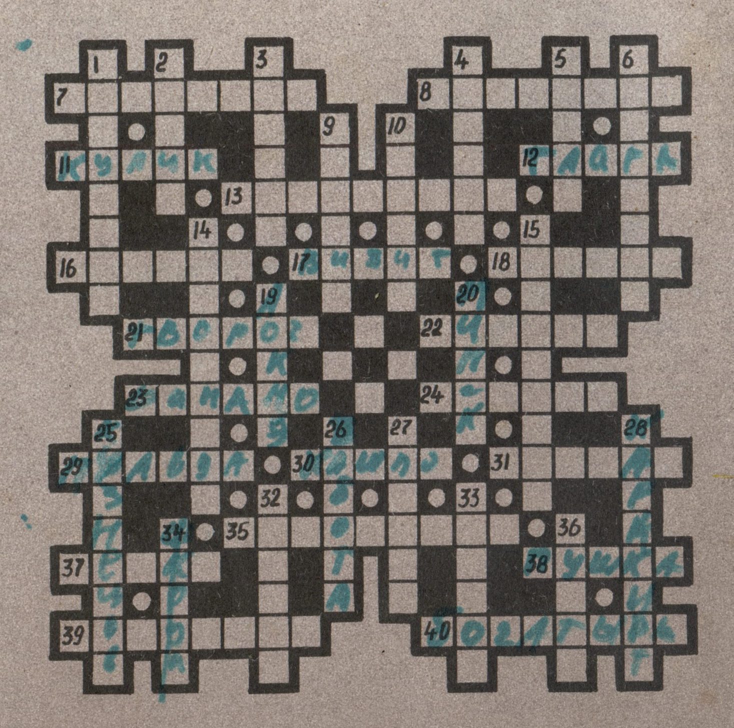
КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Высокий письменный стол с наклонной доской. 8. Русская серебряная монета XVI—XVII вв. 11. Болотная птица. 12. Густой непроходимый лес. 13. Восторженная радость. 16. Плотная ворсованная шерстяная ткань. 17. Официальное посещение. 18. Стихотворение А. Пушкина. 21. Молочный продукт. 22. Грузинский духовой музыкальный инструмент. 23. Спортивное общество. 24. Постоянный покупатель, заказчик. 29. Советское издательство. 30. Цветочный горшок. 31. Сухой тропический ветер. 35. Река в Заире. 37. Комедия А. П. Чехова. 38. Городошная фигура. 39. Популярная актриса советского кино. 40. Человек безмерной силы.

По вертикали. 1. Врач. 2. Пьеса А. Афиногенова. 3. Декоративный кустарник. 4. Разновидность комара. 5. Управляемый американский луноход. 6. Зодиакальное созвездие. 9. Гриб. 10. Вулканическая горная порода. 14. Картина И. Прянишникова. 15. Группа морских островов. 19. Опера В. Беллини. 20. Гостиница. 25. Советский разведчик, Герой Советского Союза. 26. Внимание, уход, попечение. 27. Государство в Европе. 28. Ядовитый паук. 32. Марка шведских автомобилей и автобусов. 33. Советский писатель, автор приключенческих произведений. 34. Минерал группы гранатов. 36. Единица объема в системе английских мер.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 923-67-65.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

2 • 89

Общественно-политический ежемесячник

Владимир Гулиев:
«РАЗМЫШЛЯЯ О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ...»

Борис Смехов
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ — ЗА И ПРОТИВ

Андрей Нуйкин:
«НУЖНО ЛИ НАМ ЗАПУГИВАТЬ СЕБЯ УЖАСАМИ БЕЗРАБОТИЦЫ?»

Живопись Анатолия СЛЕПЫШЕВА

Шод Муладжанов:
«КУДА ПРИВЕДЕТ «ЧУДО-ЛЕСТНИЦА», ЕСЛИ СПОЛЗАТЬ ПО НЕЙ ВНИЗ?»

Хава Волович:
«Все, что у нас в юности шло под кличем: «Даешь!» — было мне дано, но как удар по морде»

Мы проходим через этап глубоких перемен в обществе, которые затрагивают все основные сферы нашей жизни, каждый трудовой коллектив, каждую семью, каждого из нас. Этот процесс идет нелегко — не надо ничего упрощать. Он еще не вышел на этот уровень, который необходим, чтобы перестройка, как локомотив, набрала скорость. Мы по-настоящему только еще разворачиваем процессы перестройки. И в этот трудный период голос коммунистов и трудящихся столицы воспринимаем как голос всего советского народа. Это очень важно еще и потому, что нет другого инструмента для проверки правильности нашей политики, кроме мнения коммунистов, трудящихся. Тем более, что это мнение выражено в демократической атмосфере.

Мне думается, что, как и на прошлой конференции, так и на этой, в центре забот делегатов-коммунистов, а значит, и городской партийной организации в целом оказались проблемы жизни москвича. Как он живет, как себя чувствует? Какие проблемы стоят перед ним и в сфере труда, и во всей повседневной жизни? Как складывается атмосфера в трудовых коллективах, в городе? Какие процессы идут в городском хозяйстве? Накопилось очень много проблем в развитии производственной, материальной сферы Москвы. Все их нужно оценить, обдумать, перевести в плоскость практических решений.

В некоторых отраслях легкой, пищевой промышленности, сфере услуг, здравоохранения основные фонды столицы хуже, чем во многих других регионах страны. По организации торговли Москва также уступает многим городам страны.

...Подходы должны быть у нас партийные, с позиций политической работы, политических, идеологических методов. Но и производственные задачи остаются. Ибо если мы ставим в центр человека, то внимание к нему, его материальному положению должно нарастать, а это во многом связано с тем, как идут дела на производстве. Но и это не всё. Скажите, как может чувствовать себя рабочий на производстве, где он проводит полжизни, если оборудование устарело, много ручного труда, отстает техника безопасности и т. д.? И, наконец, ограниченность трудовых ресурсов, экологическая ситуация в городе также диктуют необходимость острого внимания к этим вопросам.

Материальной, производственной сфере необходимо уделять самое пристальное внимание. Тем более, что процесс разделения функций между партийными, советскими и хозяйственными органами еще только разворачивается...

С какой бы стороны мы ни подходили, Москва имеет право на приоритетное отношение. Здесь — огромные силы, квалифицированный рабочий класс, наука, здесь есть возможность быстрее развернуть перестроечные процессы в рамках радикальной экономической реформы. И это надо делать.

Из выступления М. С. ГОРБАЧЕВА на XXVII конференции Московской городской организации КПСС

2 (459) •89 **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 26.12.88. Подписано к печати 27.01.89. Л22509. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журн. № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,19. Тираж 100 000 экз. Заказ 4343. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302030800-229}{М172(03)-89}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: А. Слепышев. Сон в дороге, *1987*

На вкладках и третьей стороне обложки: художник А. Слепышев

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕЛА, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ

НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ

Каким Вы видите правовое государство?
Какими Вам представляются роль и полномочия обновленных Советов?
Какова роль ученых-юристов в разработке теории правового государства?..
По этим и многим другим проблемам, связанным со строительством правового государства, журналист А. КОЗЛОВ беседует с заведующим сектором теории государства и социалистического самоуправления Института государства и права АН СССР профессором В. Е. ГУЛИЕВЫМ.

Владимир Евгеньевич, сегодня большой разговор ведется вокруг проблем создания правового государства. Идет поиск путей, подходов к их решению. В связи с этим правомерен вопрос: а какое государство мы имели до сего времени! Было ли у нас правовое государство!

Разрабатывая план создания Советского государства, В. И. Ленин имел в виду государство демократическое, в котором вместо формального провозглашения прав и свобод они фактически предоставляются народу; где массы сами, сознательно подают голос по существу важнейших вопросов, и т. д. Но сложившаяся в стране историческая обстановка не позволила осуществить этот план. В условиях развернувшейся после Октябрьской социалистической революции ожесточенной классовой борьбы, а затем иностранной военной интервенции говорить о таком государстве не приходилось. Тем более нельзя говорить о таком государстве в тяжелый, длительный период, связанный с культом Сталина, когда попиралась не только какая бы то ни была законность, но элементарные права людей на жизнь и свободу; когда граждане отлучались, отчуждались от управления государством и обществом, от собственности, человек оставался беззащитным перед чиновничье-бюрократической и репрессивной машиной, судом неправедным. Да что суд! Не опиравшиеся на юридические нормы постановления «особых совещаний» — ОСО, «троек» — специальных органов НКВД, созданных в 30-е годы для внесудебной расправы с людьми, подменяли приговоры, определяя судьбы, решая вопросы человеческой жизни и смерти. Была принята и Конституция, по словам поэта Б. Пастернака, не рассчитанная на применение; провозглашались принципы законности и правопорядка, оставшиеся пустым звуком, политические, экономические и иные права и свободы, выполнение и соблюдение которых на деле никак и ничем не гарантировались...

Нельзя сказать, что в советском законодательстве ничего не менялось. Принципы законности в теории провозглашались и во времена сталинщины, и в последующие периоды. Время от времени разрабатывались новые законы и подзаконные акты, но, во-первых, принципы законности лишь провозглашались, а во-вторых, они были направлены в основном на реализацию прав государства, а отнюдь не граждан. Да, действительно, много говорилось о наших законах как о «самых совершенных, справедливых», даже «гуманных», а между тем они зачастую не соответствовали не только международному праву, но оборачивались полным беззаконием в нашей жизни.

Возвращение социализму истинно демократического звучания требует освобождения его облика от грубых искажений и деформаций, унаследованных как от времен сталинщины, так и от периода застоя, приведения нашей реальности в соответствие с нашими идейными, политическими и нравственными идеалами.

Каковы Ваши представления о правовом государстве!

Думается, под правовым государством следует понимать прежде всего политическую и социально-экономическую организацию общества, основанного на Законе, и только на Законе, не допускающем к тому же его неоднозначного, вольного толкования по принципу «закон — что дышло, куда повернул, туда и вышло». Все законы в правовом государстве должны полностью соответствовать Конституции СССР и быть абсолютно и равно обязательными для всех государственных органов и лиц, независимо от их постов, должностей и рангов, для всех граждан страны. Уважение к законам здесь становится основополагающим правилом организации всей жизни общества.

Правовое государство — в полном смысле демократическое государство, в котором политические, социальные, экономические, гражданские права обретают реально и конкретно осуществляемый характер; в правовом государстве народ принимает самое прямое участие в решении важнейших вопросов внутренней жизни и внешней политики; государство полной гласности, где безусловно и надежно защищены и обеспечены всевозможные права и свободы, создан механизм, с помощью которого реализуется плюрализм взглядов, мнений, позиций граждан в соответствии с интересами общества; это обеспечение условий для всестороннего развития личности.

Правовое государство и соответственно правовая организация всей общественной жизни — понятие более широкое, чем опирающаяся на право организация государства как власти, это не просто соблюдение принципов законности, а качественно более высокий правовой порядок, взаимная ответственность власти и гражданина, их партнерские и равноправные отношения; это чрезвычайно развитая система самих законов, законодательства, регулирующего все жизненно важные сферы человеческих отношений; это очень высокая степень разработанности, детализации и эффективности механизма всякого рода гарантий, будь то в области гражданских отношений или в области ответственности административной, уголовной, дисциплинарной и так далее. Если же мы сталкиваемся с «чиновничьим усмотрением», когда закона просто нет и исходным, регулятивным началом являются решения административных органов, не опирающиеся прямо на закон, то нет и правового государства. Тут действует не закон, а усмотрение: дозволю — не дозволю.

Вы сказали: «...взаимная ответственность власти и гражданина, их партнерские и равноправные отношения». Если взглянуть с этой точки на день сегодняшний, не увидим ли мы снова вместо торжества закона власть бюрократа, чиновника! Классический пример, с которым чуть ли не каждый сталкивается: человек покупает, допустим, телевизор, а он через неделю-другую выходит из строя. Читатели шлют в газеты и различные инстанции жалобы с одним и тем же рефреном: «Почему я не могу сразу же обменять бракованный товар на другой или сдать его и получить взамен деньги! Почему мне предлагают сначала ремонт!» Между тем закон, в данном случае гражданское законодательство, такую возможность предоставляет. Однако ведомственная инструкция оказалась глухой к закону и предлагает сначала помериться силой со службой быта, от которой у многих просто челюсти сводит. Разве не царствует и здесь чиновник над законом! Тут в пору говорить не о равенстве перед законом, а об элементарном уважении человеческого достоинства.

Согласен. Несмотря на то что за время перестройки немало сделано для нравственного, политического, идеологического, информационного, социально-психологического возвышения человека, личности, гражданина, защиты его достоинства, все же материальные условия жизни нашего общества явно отстают от развития его демократических институтов. Налицо нерешенность продовольственной и жилищной проблем, недостаточное наполнение социально-экономических прав и свобод, которые провозглашены Конституцией и сами по себе, бесспорно, очень демократичны. Все это подвергает повседневному и, я бы сказал, жестокому испытанию чувство человеческого достоинства. О каком достоинстве может идти речь, если даже за товарами первой необходимости, а подчас и достаточного ассортимента мы выстаиваем в очередях миллиарды человеко-дней! Самые достойные люди в таких очередях теряют облик человеческий, видя в своем соотечественнике недруга только потому, что он стоит на один шаг впереди него.

А положение на транспорте! Там может быть продано два билета на одно и то же место в вагоне поезда; может оказаться, что в купе почему-то не горит свет, вам не подали чаю, и т. д. и т. п. С массой проблем вы столкнетесь и в Аэрофлоте, хотя там, кажется, несколько лучше работают.

Ясно, что говорить о правовом государстве на сегодняшний день просто несерьезно.

Правовое государство и правовая организация всей общественной жизни, на мой взгляд, может быть достигнута только при достаточно высоком уровне развития экономики и социальной сферы. Пока же существует экономика дефицита, пока существует фондовое распределение сырья и средств производства между отраслями и предприятиями, будет господствовать усмотрение министра, Госплана, Госснаба и так далее. Та же картина в сфере потребительских товаров. Пока существует дефицит, никаких равноправных отношений быть не может. А ведь равноправные отношения между гражданином и организацией есть основа основ правового государства. Дефицит создает возможность теневой экономики, черной экономики, покупки товара с дополнительной оплатой, навязываемых заказов, продажи в нагрузку и так далее. Значит, необходимо определенное насыщение рынка, причем как рынка средств производства, о котором мы пока больше говорим и мечтаем, так и рынка потребительских розничных товаров.

Не могу не вспомнить хрестоматийное для каждого юриста высказывание Маркса о том, что право не может быть выше экономического строя общества и связанного с ним уровня культуры.

Действительно, коль уж мы сказали об экономике, надо сказать и о культурном уровне нашего общества, уровне управленческой, политической, правовой культуры. Он не отвечает представлениям о правовом государстве.

Мне, отцу двоих детей, в течение всего времени их обучения в школе приходилось подвергаться унижениям, когда ущемлялось мое человеческое достоинство. Я себя чувствовал абсолютно беззащитным не только перед учителем, но и вообще перед школьной администрацией. Ведь некоторые директора школ, завучи взаимоотношения с родителями иначе, как «приказ — исполнение», не мыслят.

Здесь мы сталкиваемся с дефицитом культуры управления, когда гражданин — нечто подчиненное, подавленное, тогда как орган управления, администрация — само полноправие при неопределенности обязанностей и ответственности.

Но как тут не сказать и об учителе, который, в свою очередь, был скован нелепейшими циркулярами, предписывавшими, чему и как учить, процентоманией «успеваемости, посещаемости» и т. д.?!

А возьмите наши правила внутреннего распорядка или поведения пассажиров — в метрополитене, в других видах транспорта, в общественных местах, домах отдыха, санаториях, профилакториях... Все эти нормативные документы на девять десятых содержат перечень обязанностей пассажиров, отдыхающих, клиентов, пациентов, и почти невозможно найти там какие-либо статьи об обязанностях соответствующих должностных лиц, а тем более об их ответственности перед нами. Что «захочим», то и сотворим — так примерно получается. О наших гостиницах и говорить стыдно. Уж сколько лет пишут газеты, что режим входа и выхода в них чуть ли не строже, чем на ракетных базах, а все остается по-прежнему. Да и обслуживание не становится лучше.

С малых лет мы запрограммированы на зависимость: от детсада, куда надо устроить ребенка, от школы, дэза, сферы торговли, службы быта... И эта зависимость, хамство, необязательность работников, с какими мы там сталкиваемся,— суть продолжение наших экономических проблем.

Вы говорите о правилах обмена бракованных товаров. А кто главным образом тормозит процесс приведения этих правил в соответствие с гражданским законодательством? Министерство электронной промышленности, если я не ошибаюсь. Оно не в состоянии обеспечить качество своих бытовых товаров в массовом масштабе и поэтому возражает против беспрепятственного обмена их в период гарантийного срока службы. Министерство понимает: предоставь покупателю право выступать в роли своего рода госприемки, и многие предприятия отрасли просто, что называется, вылетят в трубу. И получается: хозяйственная целесообразность господствует над законностью.

Но есть ситуации, когда достоинство граждан унижается вне всякой связи с материальной, что ли, субстанцией. Миллионы советских людей остаются один на один с усмотрением, волей, а часто произволом администрации в вопросах увольнения их с работы. Я имею в виду тех, кто подпадает под действие известных дисциплинарных перечней, уставов о дисциплине. Ведь могут возникнуть и возникают в жизни совершенно нелепые ситуации. Возьмите, например, прораба на

стройке. Накажи его администрация за какой-либо проступок, издай приказ о его увольнении, человек вправе будет обратиться за защитой своего достоинства в комиссию по трудовым спорам (КТС), профком, в суд, наконец. А вот старший прораб этого сделать не может. КТС, профком, суд его заявление рассматривать не будут: он занимает должность, поименованную в перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров. Старшему прорабу дорога уготована одна — в вышестоящую в порядке подчиненности организацию. То есть на произвол одних чиновников человек должен приносить челобитную другому чиновнику, и здесь нередко вступают в дело эгоистические интересы ведомства, пресловутая честь мундира, а отнюдь не требования закона и защиты достоинства несправедливо обиженного. В таком же униженном положении находится огромная армия мастеров, начальников цехов и их заместителей, начальников отделов, служб, участков, ферм, лесничих... А тут ведь тоже никакой материальной проблемы нет, а только моральная, нравственная. Что нам здесь-то мешает хотя бы полшага сделать на пути к правовому государству!

Мешают ведомственные амбиции и произвол. Ведомства стеной стоят за сохранение перечней и уставов. Не знаю, какую позицию занимает сегодня ВЦСПС, но работники, связанные с решением этих проблем, приведут массу аргументов против отмены упомянутых перечней и уставов. Вам скажут, что передать решение конфликтов в суды пока тоже нельзя, ибо последние и без того перегружены. Вместо того чтобы добиваться расширения судейских кадров (и кстати, повышения зарплаты судьям), поднятия их престижа в обществе, будут толковать о нехватке сил. Бюрократический аппарат вообще неистощим, когда доходит до изобретения аргументов «против». Но если не принимать политических решений, мы долго еще не избавимся ни от особых перечней, ни от многого того, что ставит преграды на пути перестройки. Тут необходимы смелые шаги на путях демократизации.

Я помню, сколько выдвигалось доводов против принципа выборности хозяйственных руководителей. Юристы нашего института одними из первых ратовали за введение выборности, конкурсности при замещении должностей. И все-таки какой-то внутренний цензор заставлял некоторых из нас, и меня тоже, делать такого рода оговорки: «А что из этого получится? Выборность в бригадах, цехах, сменах — хорошо, но не на крупных предприятиях. Ведь мы не застрахованы от случайностей: а вдруг изберут какого-то шарлатана, лентяя, пьяницу, дезорганизатора производства?!» По существу, это недоверие к здравому смыслу народа, тогда как помимо закона, политических решений нужно еще доверие к народному разуму, здравому смыслу. Ну изберут кого-то не того, кого бы следовало, пройдет время — переизберут, подберут другого в конце концов. Нельзя двигаться вперед, все время боясь совершить ошибку.

Нелегко решался и вопрос о введении многомандатных округов или об оставлении нескольких кандидатов в бюллетене для голосования на выборах Советов. Или: газеты могут до бесконечности писать о требовании народа убрать имена иных «деятелей», присвоенные тем или иным университетам, другим учебным заведениям, городам, улицам и так далее — дело меняется с трудом. Значит, велики еще силы торможения, играющие с нами по новому принципу социалистического плюрализма: вы можете высказываться как хотите, а мы будем поступать, как найдем нужным.

И тут многое упирается в Советы. Не только в компетенцию, сегодня не очень широкую, хотя и сильно расширенную, но и в их состав. Ведь депутаты снизу доверху — это тоже в основном просители. Мы просим у них, они просят у других: у администрации, аппарата. Надо послать в Советы людей активных, гражданственных, смелых, способных принимать решения своей депутатской властью. Скажем, если исполком не меняет названия улиц, города, учреждения,— созвать сессию и принять нужное решение.

Как же такой Совет сформировать! Раньше ведь было просто. Команда сверху: необходимо столько-то мужчин, женщин, комсомольцев, рабочих... Мы притерпелись к такому порядку. И не ровен час начнутся выборы, а люди опять станут ждать: кто бы это им сказал, сколько избрать мужчин, женщин...

Видите ли, уже на последних выборах в местные Советы, насколько я знаю, были выдвинуты несанкционированные кандидаты в депутаты. В некоторых местах отказывались регистрировать навязанных сверху кандидатов. Мне говорили, что в ряде округов избиратели добились, чтобы в бюллетенях оставались два кандидата на место. Все это абсолютно не противоречило ни Конституции, ни избирательному закону, даже прошлому, еще не реформированному. А сегодня многовариантность при выборах, выдвижение большего числа кандидатов, чем имеется мандатов, закреплено в Конституции СССР и Законе о выборах. Это большой шаг вперед в нашем нормотворчестве.

В настоящее время готовятся другие изменения законодательства. Готовится закон о расширении прав общественных организаций, предоставлении им права приостанавливать управленческие решения госорганов, которые ущемляют права этих общественных организаций. Готовится очень широкий круг других демократических законов. Но вот что еще представляется мне важным: необходимо различать уровень и качество культуры — политической, гражданственной. Это то, что никаким законом одномоментно изменить нельзя. Это дело времени. Поэтому навыки управления, участия в государственных делах и особенно самоуправления воспитываются на практике, их декретом ввести нельзя. Закон может препятствовать или способствовать этому, но он не может нас с вами одномоментно сделать активными и бесстрашными. В воспитании этих качеств огромную и благотворную роль призвана сыграть пресса. Я имею в виду, конечно, те органы печати, которые стоят на перестроечных позициях, а не те, которые только декларируют свою приверженность идеям перестройки и демократизации.

А роль правоведов, ученых-юристов! Ведь пресса сегодня все чаще и чаще обращается именно к вам.

Прекрасно! Когда я в 1951 году поступал в вуз, с самых высоких трибун провозглашалось, что юристов у нас перепроизводство, что их девать некуда. А сейчас у нас явный дефицит юридических кадров. Их нет чуть ли не на половине предприятий промышленности, не все Советы имеют юристов или юротделы, и, кажется, только третья или пятая часть всех колхозов обеспечена ими. Да о чем можно говорить, если на последней партийной конференции, впервые в истории партии принимавшей ряд политических решений, прямо выходящих на проблемы права, суда, законности, правового государства, делегатов-юристов было раз-два и обчелся, точнее — шесть человек вместе с товарищем М. С. Горбачевым. А среди гостей находились академик

В. Н. Кудрявцев, доктора юридических наук М. И. Пискотин, Б. М. Лазарев, ваш покорный слуга... Может быть, я ошибся? Хотел бы, но боюсь, что дело обстоит именно так.

А сколько у нас профессиональных юристов в составе депутатов? Я не ратую за то, чтобы наподобие ряда западных парламентов юристы представляли чуть ли не большинство среди депутатов — это другая крайность. Но нельзя же формировать правовое государство, не избирая юристов как в высшие, так и в местные органы государственной власти и в достаточном числе.

Вообще я должен сказать: для того чтобы приобрести бо́льшую социальную силу, надо стать силой социальной. В полном смысле этого слова. Надо стать организацией. А мы с трудом добиваемся создания союза или ассоциации советских юристов. Хотя, я знаю, многие поддерживали эту идею — и Прокуратура СССР, и Верховный суд, Министерство юстиции, юристы-ученые, Академия наук...

Или союз адвокатов, как же без него?! Я уж не говорю о том, что подобные союзы и ассоциации есть во всех цивилизованных странах мира. Мне кажется, тем, кто исповедует принципы правового государства, следует занимать в подобных вопросах более решительную и последовательную позицию.

Владимир Евгеньевич, как известно, возможность судебной защиты является одной из важнейших гарантий соблюдения прав и свобод гражданина в правовом государстве. На пороге — судебная реформа. Общественность широко дебатирует пути перестройки судебного дела. Ошибка мнений наблюдается во многих аспектах, но особенно непримиримы бывают оппоненты в том, что касается проблемы народных заседателей, замены их составом присяжных. Ваше отношение к суду присяжных!

Я сам, откровенно говоря, нахожусь в противоречиях. Конечно, суд присяжных — дело неплохое. А чем, собственно, плох теперешний наш суд, да если в нем будет не два заседателя, как сейчас, а, скажем, пять — семь по наиболее сложным делам? В чем идея присяжных? В том, что решение вопроса о виновности принимается независимо от судьи. Последний определяет лишь меру наказания. Но по действующему закону и двое заседателей могут блокировать решение суда. А если их будет пятеро?.. Во всяком случае, я не хотел бы захлопывать двери для обсуждения данной проблемы.

Куда важнее, на мой взгляд, добиться реальной независимости суда, освободить его от диктата исполнительных органов. Вообще чрезвычайно необходимо для правового государства лишить исполнительные органы неограниченной власти над людьми. Пока же они были столь независимы, что подминали под себя и законодательную, и судебную, а нередко и прокурорскую власть, народный контроль. Между тем аппарат, все исполкомы, совмины должны быть подчинены Советам, а Советы, в свою очередь,— избирателям. Вот тогда мы действительно будем иметь власть народа.

Сутью правового государства является, как известно, торжество и верховенство закона, выражающего истинную волю народа. Однако за 70 лет мы изрядно обесценили слова о приоритете интересов народа. Ими клялись, уничтожая «врагов» в сталинских лагерях, о них с упоением твердили в застойные годы, подталкивая страну к экономической пропасти, ввергая ее в омут коррупции. А вот пойти на референдум власти особенно не торопились, наблюдая, как используют столь уникальную возможность выявления народной инициативы антинародные капиталистические «демократии». Хотя возможности проведения референдумов мы не отвергаем.

Не только не отвергаем, но и декларируем начиная с 1936 года. Но, к сожалению, в этом направлении не делается никаких практических шагов. Интересная деталь: когда готовился проект Закона о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни, в него предлагалось включить положения, касающиеся референдума. Однако затем принципы, связанные с референдумом, вывели за рамки законопроекта. Я считаю это правильным. Референдум и всенародное обсуждение — разные демократические институты, и объединять их в одном акте едва ли целесообразно. Но когда один закон приняли, а другой вообще законсервировали? Вряд ли это оправданно. Надо пройти и через этот искус. Не надо бояться собственного народа. Конечно, и народы не избавлены от ошибок. Но если мы строим, развиваем социализм, выходим на новое качество общества, демократии, избегать референдума, стыдливо умалчивать о том, что записано уже в двух Конституциях,— по меньшей мере, та самая полуправда, даже четверть правды, против которой выступили XXVII съезд КПСС и XIX партконференция.

А может быть, сильны еще старые-престарые стереотипы, согласно которым референдум — нечто вроде типично западного буржуазного института? Но, коль скоро мы строим правовое государство, мы никуда не уйдем от заимствования ряда институтов, выработанных западным правовым государством. Это не значит, что мы забудем о классовой природе того государства, об эксплуататорской сути западной буржуазной демократии. Эти марксовы и ленинские идеи мы прекрасно помним. Но нельзя не видеть, что есть наработки, принадлежащие всему человечеству, завоевания демократии, которая развивается еще со времен Древней Греции. И отбрасывать все это нельзя. Потому что институт всеобщих выборов не мы же придумали, как не мы придумали и основные политические свободы: свободу слова, печати, судебную защиту, презумпцию невиновности...

Нам нужно спокойно разобраться в институтах западного правового государства при всех его изъянах и классовой природе. Многие из этих институтов не только могут, но и должны быть у нас применены. Почему, например, не сделать обычной и широкой практикой публикацию «белых книг», статистики по проблемам? Любой вопрос социального звучания, приобретающий определенную остроту, вызывающий столкновение интересов, мнений, взглядов, должен быть разрешаем властью и народом на основе объективной информации. Надо публиковать правительственную «Белую книгу» или «Белую книгу ВЦСПС». Это все альфа и омега правового государства.

Мы во многом идем дальше буржуазной демократии. Такой выборности хозяйственных и иных руководителей, как у нас, ни одна страна Запада не знала и не будет знать при капитализме, это ясное дело. Но кое в чем мы постыдно отстаем. Мы смелы в одном и удивительно робки в другом. Вот хотя бы с той же самой социальной информацией: уголовной, моральной статистикой, статистикой уровня жизни. А позиция Госкомцен, Госкомстата, которые с упорством, достойным лучшего применения, доказывают, что у нас рост цен на потребительские товары какие-то там мизерные проценты в год,— это

просто непорядочно, безнравственно. Нельзя обманывать народ. Государство в лице своих органов и хозяйственных организаций должно быть безупречно в нравственном отношении перед народом, чтобы иметь право требовать от него столь же нравственного и правового поведения.

Новое политическое мышление — это и новое нравственное мышление. Оно имеет огромное международное значение, но это прежде всего новое поведение в отношениях с собственным народом.

Говоря об информированности людей, нельзя, наверное, обойти и проблему информационного голода в гигантском море циркуляров, инструкций, правил, законов. Мыслим ли объявленный у нас юридический всеобуч, если человек даже не всегда знает, где ему можно ознакомиться с теми или иными своими правами и обязанностями!

Правовое государство требует широчайшей информированности населения о действующем законодательстве. Тем более что у нас существует такая презумпция: незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Не очень это демократично при отсутствии широкой публикации нормативного материала, законодательства, например Уголовного, Гражданского и других кодексов. А ведь есть еще значительный массив неопубликованных нормативных актов — как секретных, так и для служебного пользования. Следовательно, мы всегда рискуем нарушить нечто нам вообще неизвестное. Наконец, «ведомственное законодательство», если можно так выразиться. Если мы искренне заботимся о достоинстве человека, то обязаны сделать все возможное, чтобы ликвидировать информационный голод.

И последний вопрос в контексте поднятых проблем строительства правового государства. Вы оптимист?

Я реалист. Хочу быть реалистом. Понимая, что мы еще очень далеки от правового социалистического государства, я вижу: мы встаем на путь, который может привести к такому государству. И я верю в наши конечные цели. В этом смысле я оптимист.

Ефим Голубь

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОБЕД

В конце минувшего года Президиум ВЦСПС принял постановление «О неотложных мерах по усилению рабочего контроля профсоюзов за работой предприятий и организаций торговли, общественного питания и сферы бытового обслуживания». О сдвигах в этом важном деле на одном из столичных предприятий — АЗЛК рассказывается в предлагаемой публикации.

О неблагополучии, да что там — безобразии со столовой прессового производства предприятия было немало разговоров. Куда только не жаловались прессовщики на свой пищеблок (словечко-то чего стоит!) и уже веру потеряли в то, что возможны какие-то позитивные перемены...

Впрочем, не лучше дело обстояло и в других столовых завода: и кормили там из рук вон плохо, и обслуживание не лучше, не говоря уже об очередях, неуюте...

И вдруг — приглашение в столовую прессового.

Решил вначале зайти к секретарю партбюро — поинтересоваться, что бы значило это приглашение. Сергей Соколков — рабочий. Он молод, избран секретарем недавно и от основной производственной работы, естественно, не освобожден. До обеда еще несколько минут, и, пока я жду Сергея, работница цеховой конторы все мне разъяснила:

— Вчера здесь пересматривали состав комиссии рабочего контроля...

На столе секретаря лежал список членов новой комиссии, которую возглавил наладчик на автоматизированной линии прессов член партбюро цеха Владимир Васильевич Жирков.

Тот факт, что список — на столе секретаря партбюро, вселяет надежду, но и рождает вопрос: почему у него? Ведь рабочий контроль — дело прежде всего профсоюзное.

Появившийся Соколков с готовностью соглашается:

— Конечно, профсоюзное. Мы и председателя профкома недавно заслушивали по вопросу работы контроля. Но в партийных делах есть ли что-нибудь важнее, чем забота о людях?

Прав молодой секретарь. Его слова вызвали в памяти одно из недавних заседаний партийного комитета завода, на котором обсуждался отчет председателя профкома АЗЛК А. И. Соломатина о реализации программы «Здоровье». Конечно же касались и организации торговли, обслуживания. Помнится и бурное заседание парткома, где серьезно говорили о работе комбината общественного питания, о том, как поставлено это дело в заводских общежитиях. Внимания общепитовцев требуют около восьми тысяч жителей домов молодежи — не шутка! Между тем представленные парткому материалы заводской комиссии рабочего контроля не располагали к добродушной беседе.

— Так вот,— продолжил секретарь,— цеховую комиссию рабочего контроля мы в последнее время обновили больше чем наполовину.

— Как это: «мы обновили»? Опять — «сверху»? А народ где? — спросил я.

— Тут, конечно, как говорится, есть вопрос,— согласился секретарь,— но не из тех людей наш Владимир Васильевич Жирков, чтобы дать кому-то заснуть!

Дальше выясняется, что не было, пожалуй, ни одного партийного или профсоюзного собрания, где бы председатель комиссии рабочего контроля не выступал со всей страстностью; что не постесняется он лично, надев белый халат, и в котел перед открытием цеховой столовой заглянуть, и вес мясного полуфабриката проверить, и в холодильную камеру наведаться. Таких же дотошных людей вместе с цеховым профкомом подобрал он себе в комиссию.

Но удалось ли сдвинуть с места замшелую неподъемную глыбу, какою долгое время была рабочая столовая? Не зря ведь Президиум ВЦСПС в своем постановлении нажимает на то, что серьезные недостатки в организации горячего питания на производстве вызваны прежде всего халатностью и злоупотреблениями отвечающих за него лиц!

И вот идем в столовую, ту самую, что знакома много лет тесным зальцем, очередями, неизменным запахом суточных щей. Сегодня рабочие спешат туда шумно, весело. Колыхнулось сомнение: «Может быть, здесь один из тех показных дней национальной кухни, которые стали входить в моду в столовых в последнее время, а меня на показуху и пригласили?»

Но, переступив порог столовой, я ее просто не узнал. Просторный зал, уютный, домашний интерьер. На раздаче почти нет очереди... А что в меню, в тарелках?

— Нормально,— удовлетворенно улыбается знакомый бригадир Анатолий Борисович Шорин.— Выбор хороший, да и повкуснее стало; обслужить стараются быстренько. Вот и работается веселее...

Конечно, может быть, не стоит напрямую связывать производительность труда с работой столовой, но когда недавно в механосборочном производстве на большом шумном совещании говорили о том, почему так туго налаживается дело в его цехах, почему они никак не выйдут на запланированный темп выпуска новых автомобилей, среди других причин назвали плохую работу столовой. А ведь если задумаешься, согласишься: пообедать там в перерыв не всегда удается, приходится прихватывать даже рабочее время, а кормят так, что только настроение портится. Справедливо критиковали за это и комбинат питания, и профсоюзную организацию, и хозяйственных руководителей, и, конечно, комиссию рабочего контроля. Жизнь с железной логикой подтверждает: думайте о людях, заботьтесь о них — и дела пойдут лучше.

Поделился я этой конечно же не новой мыслью со своими спутниками и неожиданно встретил возражение:

— Что значит — «думайте о людях»? Люди и сами о себе думать должны! Разве тот же Жирков надеется, что за прессовщиков кто-то все сделает? А кто в этой столовой старые стенки ломал, помещение ремонтировал, кто буфет в порядок привел? Здесь не стали ждать, пока придет чужой дядя, тот же строитель, у которого и так работы по горло,— сами переоборудовали столовую.

Прессовщики правильно понимают, что значит личное участие каждого в перестройке. Казалось бы, цех не обязан из своих и без того скудных людских резервов выделять буфетчиц. Это, как известно, кадры общепитовские, а их вечно не хватает. Но как долго и профком, и рабочие-контролеры бились за то, чтобы и в столовой, и в буфете был порядок, чтобы и сюда приятно было войти, а дело не удавалось сдвинуть с мертвой точки. Надоело. Тогда и согласился с ними начальник цеха Вальтер Варламович Месхия: надо своих людей в буфет ставить. Он вообще готов поддержать любое предложение, только бы оно — на пользу коллективу. И как же важна такая поддержка!

В тот же день я пошел и к председателю общезаводской комиссии рабочего контроля Зинаиде Васильевне Киселевой. Однако побеседовать с нею сразу не удалось: инженер, она была занята основной работой. Выбрать и минуту для общественного дела — проблема. А тут минутой не обойдешься: на заводе 24 столовые, а еще буфеты, магазины кулинарии, а еще... И во всем надо разбираться, а времени на все — час обеденного перерыва.

И разговор мы перенесли на вечер.

После работы Зинаида Васильевна как раз собрала свою группу на запланированное совещание, вернее, занятие. После него под свежим впечатлением объяснила, что с проведением этих занятий возникают проблемы. Хорошо еще, что профком завода наладил контакты с городским методическим центром, откуда приглашает специалистов учить заводских контролеров. Но ведь от завода они несколько в стороне, а здесь своя специфика, свои требования к знаниям и методике работы. Вот Киселева и перечитала массу специальной литературы, познакомилась с интересным опытом соседних предприятий, составила для своих рабочих-контролеров памятку, методичку, учит не всех сразу, а по группам: это и удобно, и позволяет подойти поближе к конкретным проблемам в разных подразделениях.

У каждого из двадцати членов заводской комиссии рабочего контроля свои «подопечные» — комиссии цехов и отделов. Вот такая стройная, а главное, действенная пирамида.

— И что же, она работает без осечки? — интересуюсь я.

— Да нет. Один цех запасных частей чего стоит! Только в последнее время оттуда стало меньше жалоб. Сколько раз по ним собрания проводили, заседания цехкома — обстановка не менялась. Наконец, устроили в цехе выездное заседание президиума заводского профкома. Руководителей комбината питания туда вытащили, местных хозяйственников пошевелиться заставили. Вроде бы дело на поправку пошло.

Людей, которые не умели и не хотели работать в контроле, из заводской комиссии, по выражению Зинаиды Васильевны, вычистили, как и тех, кто состоял в ней только по корыстным соображениям.

Такие рабочие-контролеры, как В. В. Жирков, поняли простую истину: и сами автозаводцы, и их кормильцы-общепитовцы в конечном счете заинтересованы в том, чтобы наладить питание на предприятии, и должны помогать друг другу.

Не жалеет ни сил, ни нервов, трудясь в заводской комиссии рабочего контроля, Владимир Викторович Адамович из станкоинструментального производства.

— Вы были в перестроенной столовой инструментального цеха? — спросила меня З. В. Киселева.— Интересно: долгое время там отчаянно жаловались не посетители, а ее работники на плохие бытовки, тесноту на раздаче, никудышные холодильники и многое другое, в результате чего приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы более или менее прилично накормить людей. Заводская комиссия рабочего контроля, тот же В. В. Адамович, с пониманием относились к этим жалобам. Но мало понимать, нужно было действовать. Не давать покоя тем, от кого зависела реконструкция столовой. Теперь дело сделано.

В последнее время оживила деятельность заводская комиссия рабочего контроля. Заслушан каждый из восьмидесяти цехкомов завода. Для начала добились того, что их председатели стали ходить на заседания комиссии. Да и как не придешь, если теперь именно от тебя зависит, как распределят в цехе продовольственные заказы или какие-то товары повышенного спроса, чтобы все было по справедливости. Конечно, проще было жить, когда эти товары привозили на завод, складывали в какой-нибудь подвал, а цехком лишь раздавал талоны в цехе. И горя мало, что в подвале за этими продуктами или товарами — давка, люди зря теряют время и нервы. Отсюда возмущение, протесты, письма в редакцию заводской многотиражки, в профком, обсуждение их с партийными и профсоюзными руководителями предприятия.

— Опыт показывает,— сказал председатель профкома завода А. И. Соломатин,— что мы правильно сделали, изменив порядок

в торговле и оказании бытовых услуг по месту работы производственников, как того потребовал ВЦСПС. Теперь мы ничего не продаем в одном месте: распределяем по подразделениям, а там уже цехкомы вместе с рабочим контролем и женсоветами решают все вопросы. И порядка больше. И обид меньше.

- Это действительно разумно, тем более что все шире практикуются договоры завода с предприятиями торговли, которым тоже удобна новая форма работы: привезли товары на завод, сдали их работникам цехов — и без хлопот получай себе выручку. И уж совсем хорошо, если завод еще и транспорт обеспечивает, чтобы доставить эти товары. Веление времени: меняются взаимоотношения предприятий с торговлей. От упреков и противостояния они поворачиваются к продуманному сотрудничеству в интересах трудового человека.

— Только еще обязательно надо,— поделился своей заботой А. И. Соломатин,— как можно скорее полностью передать заводу комбинат общественного питания. Дело сейчас только за Моссоветом, так как есть принципиальное решение для всех подобных комбинатов, реализация которого у нас задерживается из-за медлительности московского главка.

Необходимость ускорять решение мне стала еще яснее на заседании совета трудового коллектива объединения «Москвич», когда среди других вопросов, связанных с переходом на выпуск новой модели автомобиля, становлением новых производств, созданием необходимого для этого стабильного, крепкого трудового коллектива, обсуждали и проблемы рабочих столовых. Горячий отклик вызвал доклад директора комбината питания. Были взволнованные выступления, приняли конкретное решение. А после заседания председатель профкома завода не без горечи заметил:

— Хочется надеяться, что будет результат. Но лишь недавно работники общепита стали к нам прислушиваться, как-то реагировать на наши требования. По-настоящему же воздействовать на них мы можем пока что только через райпищеторг, да и то не всегда.

Но самое интересное — что и сам комбинат питания теперь уже соглашается, что в составе завода ему было бы лучше.

— Оттого что мы так или иначе находимся в двойном подчинении — и районного треста столовых, и завода,— проигрывает как дело, так и коллектив комбината,— поддерживает Соломатина директор комбината В. К. Воронкова.

Какой же смысл, в таком случае, имело сопротивление «района»? Разве на самом предприятии тот же совет трудового коллектива не может, как и всеми другими, заниматься делами своего общепита?

Во всяком случае, для рабочих-контролеров ясно, что они вместе с СТК, профкомами и самими «кормильцами» могли бы поднять рабочие столовые на уровень, который отвечал бы требованиям дня.

Я спросил З. В. Киселеву, чем закончилось обсуждение на парткоме завода проблемы питания в общежитиях. Оказывается, создали в них боевую комиссию рабочего контроля, следят, чтобы не было сбоев в работе буфетов. Будет ли результат?

— Надеемся,— говорит Зинаида Васильевна.— Слово рабочего контроля теперь звучит погромче, поувереннее.

Вместе с Киселевой вспоминаем, как пару месяцев назад по настоянию возглавляемой ею комиссии была депремирована одна из столовых, которую по неведению надумали было отличить городские организации вместе с комбинатом общественного питания. Для них ведь что главное? План. А рабочим нужны вкусные обеды, достойное обслуживание...

Уходим с Зинаидой Васильевной Киселевой с завода уже в девятом часу вечера. В сумке у нее стопка бумаг, техническая документация — пришлось кое-какую работу взять домой: ведя ответственнейшую, трудоемкую работу в комиссии рабочего контроля на огромном предприятии, она ни от чего не освобождена в своем технологическом управлении.

— И все-таки,— говорит Киселева,— я испытываю удовлетворение...

Завтра ее помощники пойдут в цехи и опять будут делать такое нужное людям общественное дело, помогать коллективам в их многотрудной жизни. Заботами рабочих контролеров укрепляется в коллективе доброе настроение, а это влияет и на дела производственные, помогает делать жизнь людей такой, какой все мы хотели бы ее видеть.

ЭКОНОМИКА И МЫ

Борис Смехов

ГОРИЗОНТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Наша публицистика полна горьких упреков в адрес планирования. Многие из них справедливы. Но, как правило, вместо поиска конструктивных решений ставится под сомнение необходимость централизованного планирования.

Безусловно, несбалансированность хозяйства, дефицит, очереди, отставание в технологии производства, бездорожье, экологические беды и многое другое — свидетельства крупных пороков сложившегося ранее хозяйственного механизма, и прежде всего планирования. Но очевидно и то, что все эти явления — результат плохого использования возможностей планового хозяйства. Они не только не присущи ему, но и просто чужды его природе.

Что же приводит некоторых весьма уважаемых публицистов к отрицанию планового начала нашей экономики? Главным образом — отождествление централизованного планирования с командно-административной системой управления. Между тем отказ от такой системы как раз повышает роль централизованного планирования, поскольку только оно способно создать необходимые условия для беспрепятственного развертывания инициативы и творчества трудовых коллективов. Однако эта роль скрыта от взоров критиков централизма.

Б. М. Смехов — доктор экономических наук, профессор.

Нам представляется очень важным расширить кругозор анализа планового хозяйства, разглядеть не только ближние, но и дальние горизонты планирования.

А нужны ли широкие горизонты планирования?

В Москве впервые создан проект Целевой комплексной программы «Молодая семья» на период до 2000 года. Под понятием «молодая семья» подразумевается супружеская пара в возрасте до 30 лет с продолжительностью брака до 10 лет. К 2000 году такого возраста достигнут мальчики и девочки, которым сейчас 10—12 лет. Не лучше ли было названную программу разработать для нынешних молодых семей?

Другой вопрос. Закон о государственном предприятии (объединении) предоставил широкие права предприятиям самим определять свои планы, учитывая лишь в качестве обязательных элементов государственный заказ и экономические нормативы. Зачем же тогда разрабатывать план, охватывающий весь объем производства во всех отраслях и регионах?

Словом, резонно спросить: не следует ли ограничить планирование краткосрочными программами и полностью децентрализовать его в той части, которая не входит в государственный заказ? Зачем раздвигать горизонты планирования?

О каком планировании идет речь? Где бы вы, читатель, ни работали, перед вами задача: надо выполнить план. Утвержден ли он сверху, принят ли снизу, но без плана никакое дело не обходится. Действия каждого из нас «вписаны» в план трудового коллектива, а этот план, в свою очередь, органически сопряжен с планами всех других трудовых коллективов страны. Современное общественное разделение труда связывает все хозяйственные звенья в единый народнохозяйственный комплекс.

Расширение самостоятельности и ответственности объединений и предприятий в новых условиях хозяйствования сочетается, как это предусмотрено в решениях XXVII съезда партии, с укреплением централизованного начала в руководстве народным хозяйством.

Как достигается это сочетание? Скажем прямо: пока еще плохо. В 1988 году государственный заказ, определяемый централизованно, оставил предприятиям слишком мало возможностей для свободного маневрирования ресурсами. В ряде случаев из-за министерской бесцеремонности такой свободы и вовсе не оказалось, так как производственных мощностей многих предприятий едва хватало на то, чтобы справиться с госзаказом. В плане на 1989 год существенно увеличена доля продукции, планируемой самими трудовыми коллективами по прямым заказам потребителей.

Облегчается ли планирование в новых условиях хозяйствования?

Казалось бы, центр может сказать: все, что сверх госзаказа, теперь не моя забота. Вы хотели самостоятельности предприятия — вот и ищите поставщиков, договаривайтесь. Но, во-первых, центр может помочь найти поставщиков. Более того, он обязан это делать, так как выбрать из разных вариантов хозяйственных связей наиболее рациональные (хотя бы с точки зрения экономии на транспортировке грузов) можно лишь с помощью народнохозяйственных балансовых расчетов. Во-вторых, только центр может и должен определять перспективу развития межотраслевых и межрайонных связей, так как это развитие практически связано с капитальными вложениями в крупные объекты нового строительства и реконструкцией действующих предприятий.

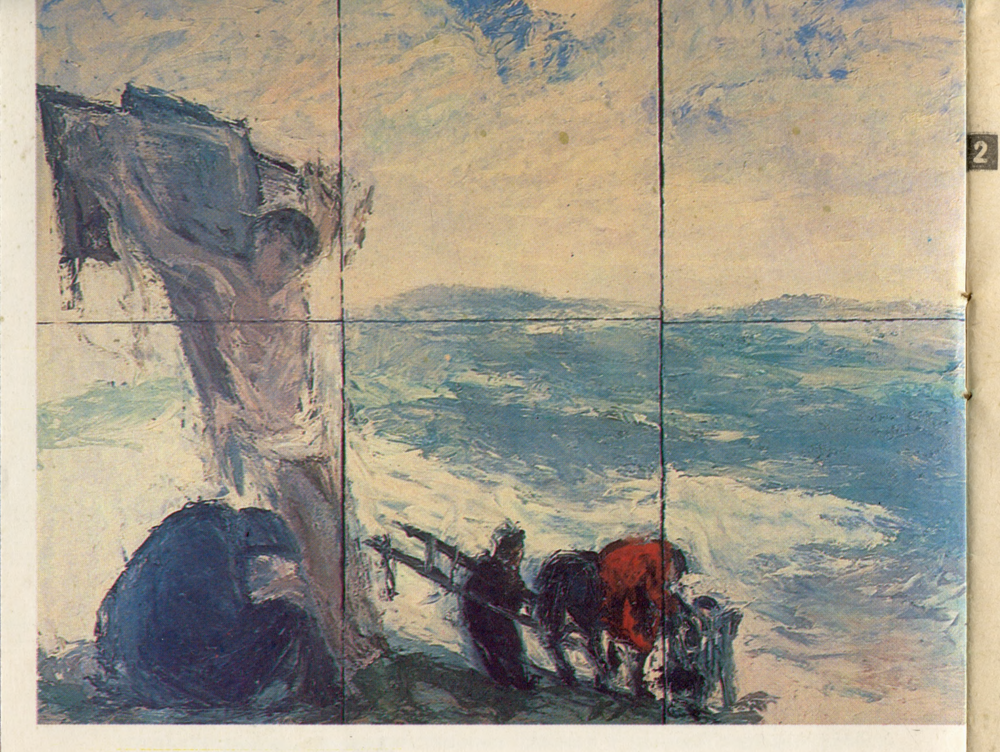

АНАТОЛИЙ СЛЕПЫШЕВ

Арбат старый и новый *1988*

Дорога, машина *1986*

Распятие *1988*

Летающие люди *1977*

Обратимся все же к тому, с чем мы сталкиваемся каждый день,— к текущим делам отдельных предприятий.

2

Что и как заказывает с е г о д н я! Чтобы обеспечить производство в очередном году (с е г о д н я), предприятие должно определить свою потребность в сырье, материалах, энергии на данный год. Но для этого предприятию надо знать, что и в каком количестве предстоит ему производить в этом году. А это может быть определено, если известно, сколько и каких видов сырья, материалов оно сумеет приобрести. Получается «заколдованный круг», или, по меткому замечанию В. Селюнина, задача о курице и яйце. Как же быть? В. Селюнин в своих публикациях много и полезно критикует наши экономические прорехи. Но ему, как и другим публицистам, кажется, что виной всему централизованное планирование. Его позиция такова: «Раз задача о курице и яйце в принципе не имеет решения, ее надо просто снять... Возникла у завода потребность — ищи поставщика, договаривайся о сроках и санкциях. Партнером по договору может быть и посредник — скажем, снабженческая организация, которая за плату помогает одним продать, другим купить продукцию. Сумма договоров и станет программой производства в натуре, никакого иного номенклатурного плана не надо» *.

Какая идиллия! Договорились потребители с поставщиками — и никакого плана не надо. Но что значит «возникла у завода потребность»? Допустим, потребность в сырье. Она может «возникнуть» только тогда, когда известно, что из этого сырья надо производить. Как же «возникает» потребность в величине и ассортименте продукции завода? Ах да, конечно же заводу кто-то закажет. Однако для этого надо, чтобы у заказчика появилась потребность в этой продукции. И так далее, и так далее. Выходит, что предложение В. Селюнина — это та же задача о курице и яйце, но в завуалированном виде.

На деле же перед нами совсем другая задача. Допустим, что во всей цепи поставщиков и заказчиков есть, так сказать, «чистый» заказчик, который не является поставщиком продукции. Тогда от него и будет исходить первичный заказ, на который сможет ориентироваться его непосредственный поставщик, а последний будет знать, какие изделия заказывать своему поставщику, и так по всей цепочке хозяйственных звеньев.

Существует ли такой «чистый» заказчик! Да. Это мы с вами. Наши потребности. Правда, мы никому не посылаем заявок, а ищем уже произведенный товар в магазине. Но от этого суть дела не меняется. Конечной продукцией общественного производства являются продукты питания, одежда, обувь, телевизоры, жилые дома, больницы, школы, ясли и т. д. К этому надо добавить потребности таких «чистых» заказчиков, как оборонные и другие государственные организации. Расширение горизонта планирования позволяет разглядеть исходный момент в формировании всей системы поставщики — потребители. Не выйдя за пределы заводских ворот, этого не увидишь.

Но только ли спрос определяет потребности «чистых» заказчиков? Нет, конечно. Например, спрос на легковые автомашины предъявляет лишь небольшая часть населения, потребность же в них всеобщая. К. Маркс различал платежеспособный спрос и абсолютные потребности. Последние он характеризовал как «желание обладать товарами».

---

* Новый мир. 1985. № 8. С. 178. Эту же идею В. Селюнин повторил в журнале «Знамя» (1988. № 7. С. 161).

Наше желание обладать товарами значительно превышает нашу платежеспособность. Кроме того, есть потребности, которые ни в какой части нельзя определить на основе платежеспособного спроса, такие, как потребность в жилье, в больницах и т. д.

Чтобы обеспечить завтра более полное удовлетворение абсолютных потребностей, нужно сегодня очень многое предпринять — и в строительстве, и в геологоразведке, и в подготовке кадров, и т. д. А все это требует затрат. Как определить их допустимый размер и направления? Тут уж цепочка поставщики — заказчики явно обрывается.

Значит, надо раздвинуть горизонты планирования, рассмотреть варианты развития экономики на многие годы вперед и выбрать тот вариант, который даст наибольшее ускорение в главном — в конечном результате, в повышении народного благосостояния.

Мы не собираемся рассказывать, как это делается и как нужно делать. Хочется лишь предостеречь читателя от близорукости, которая сегодня часто обнаруживается не только в устных рассуждениях, но и в печати.

Например, можно ли сегодня обеспечить в Москве все молодые семьи, а их 350 тысяч, отдельными квартирами? Если отвлечься от возможностей, надо настаивать на немедленном решении этой жгучей проблемы. На деле же потребовалось заглянуть далеко вперед, чтобы определить реальную очередность в развитии жилищного строительства. К 2000 году молодых семей будет отнюдь не меньше — 410 тысяч. В названном уже проекте Целевой комплексной программы «Молодая семья» на период до 2000 года эта очередность предусмотрена.

В проекте намечены меры по улучшению материального положения молодых семей, охране материнства и здоровья детей и ряд других. Среди них — специальная жилищная программа. Только в общей системе мер, предусмотренных в программе «Молодая семья», вырисовываются реальные возможности поэтапного решения проблемы предоставления каждой молодой семье отдельной квартиры.

Любая локальная задача зависит от ее согласования с другими программами. В конечном счете речь должна идти о перспективном плане развития всего народного хозяйства.

В докладе на XIX Всесоюзной партконференции М. С. Горбачев сказал: «Мы все, думаю, проголосуем за самоуправление, но против самоуправства, за учет местных интересов, но и за то, чтобы они обязательно сочетались с интересами всего общества».

Таким образом, не только во времени, но и в пространстве расширяются горизонты планирования.

Какие элементы в хозяйстве особенно нуждаются в согласовании текущих дел с перспективой? Совершенно ясно, что это в первую очередь крупное строительство, а также накопление необходимых запасов и резервов. Работа в данном году не только строителей, но и большинства отраслей тяжелой промышленности, создающих материальную базу строек, зависит от того, что и где конкретно надо начать реконструировать и заново строить, а это определяется будущими потребностями.

Мы, москвичи, испытываем большие неудобства от того, что лишились на многие-многие годы станции метро «Ленинские горы». Молодежь даже не знает, как, бывало, растекались потоки зрителей футбольных встреч в Лужниках по двум направлениям — к двум станциям метро. Теперь одна «Спортивная» принимает на себя весь натиск огромной массы пассажиров. Попытайтесь выяснить, почему эта злополучная реконструкция станции метро так затянулась сверх всяких мыслимых сроков? Окажется: главная причина кроется в недостатках перспективного планирования. Нельзя приступить к крупной стройке, пока нет полной уверенности, что она может быть закончена в нормативный срок. А этой уверенности, в свою очередь, не может быть, если ее обеспечение технической документацией, материалами, мощностями строительных организаций не согласовано с обеспечением этими же элементами других крупных строек, и не только Москвы, но и всего Советского Союза.

«Капельное» финансирование плодит долгострои, незавершенки. Вместо концентрации средств на пусковых объектах — их распыление. Строительный задел из-за недостатков перспективного планирования практически не имеет ограничений, а они должны быть обязательно.

Каков размер строительного задела в народном хозяйстве? Практически об этом можно судить по величине незавершенного строительства. Его объем в конце 1987 года составлял 78 процентов от объема капитальных вложений за этот год. По отдельным отраслям промышленности незавершенка намного превысила годовой объем капитальных вложений (электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность и др.). Значительная часть ее относится к стройкам, начатым задолго до 1985 года и не законченным в прошлом году. Другая часть — это тот задел на будущее, который по плану начал создаваться два года назад. Он был расписан по конкретным объектам в плане. И он должен был быть обоснован не только с точки зрения перспективных потребностей общества, но и возможностей строгого соблюдения сроков строительства на всех его объектах. Факты же говорят, что этого не делается.

На чем же основано расширение горизонтов планирования во времени?

Что заказывает завтра? Прежде всего уточним, о каком завтра идет речь. В качестве сегодня у нас выступал отдельно взятый год. Следующий за ним предъявляет заказ только на ту часть строительного задела, которая может за год превратиться в готовые к использованию объекты. Но многие объекты — домны, цементные печи и т. д., а тем более крупные предприятия, дороги, каналы — сооружаются в течение весьма продолжительного времени. Да и крупная реконструкция не укладывается в рамки года. Значит, с учетом длительности строительства нужно обосновать его начало в данном году перспективными потребностями и возможностями примерно пятилетнего периода. Кстати, и потребности в подготовке кадров специалистов согласуются с этими сроками. Для того чтобы вычислить величину приема в вузы, необходимо знать, сколько потребуется соответствующих специалистов тогда, когда нынешние абитуриенты получат дипломы. Это опять же около пяти лет. А так как потребности и в новых, и в реконструированных фондах, и в новых кадрах невозможно определить изолированно от всей экономики страны, надо разрабатывать пятилетние планы социального и экономического развития — наши пятилетки.

Но и этого мало. При ближайшем рассмотрении оказывается, что горизонты планирования нужно расширить на три-четыре пятилетия.

Например, в том же строительстве, для того чтобы можно было целенаправленно вести в данном году геологоразведочные и проектно-изыскательские, а также некоторые прикладные научно-исследовательские работы, недостаточно знать пятилетнюю перспективу развития хозяйства. В значительной части все эти работы готовят основу для реконструкции и нового строительства тех объектов, которые вступят в строй за пределами предстоящей пятилетки.

Попробуйте все это отдать на откуп стихии рынка. А ведь иные склонны считать, что текущий, сиюминутный спрос на рынке способен регулировать в хозяйстве все и вся.

Разработка пятилетнего плана сталкивается при обосновании накопления, по сути, с той же проблемой, что и составление годового плана, а именно там, где речь идет о строительстве объектов, использование которых выходит за рамки пятилетки, должен быть заказ от еще более далекого завтра. В число таких объектов входит не только строительный задел, но и основные фонды, вводимые в действие в самом конце пятилетки. По нашим расчетам, не менее половины общего объема капитальных вложений за пять лет связано с удовлетворением потребностей следующих пятилеток.

На какой же период нужно рассчитывать план развития народного хозяйства, чтобы все начинаемое в данной пятилетке и каждом отдельном ее году было обосновано для далекого завтра!

Первый в истории нашей страны долгосрочный план хозяйственного развития — ленинский план ГОЭЛРО — был разработан под руководством В. И. Ленина в 1920 году. Рассчитанный на 10—15 лет, он стал основой годовых, а затем и первого пятилетнего плана. Партия неоднократно возвращалась к необходимости создания долгосрочных планов. В феврале 1941 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР поручили Госплану СССР составить генеральный план развития народного хозяйства СССР, рассчитанный на 15 лет. Работу над его проектом прервала война. Но уже в августе 1947-го Госплан СССР приступил к созданию генерального плана развития народного хозяйства СССР, рассчитанного на 20 лет. Но разработка и этого плана оказалась незаконченной в связи с тем, что был репрессирован тогдашний председатель Госплана Н. А. Вознесенский.

В 1971 году XXIV съезд партии ставит задачу: «Улучшить методы перспективного планирования развития народного хозяйства. Осуществить разработку долгосрочного перспективного плана развития народного хозяйства СССР, используя для этого прогнозы научно-технического прогресса, роста населения страны, природных ресурсов и другие».

Однако такого плана и в этот раз не получилось.

Недостатки планирования в 70-е годы многие сводят только к преобладанию административно-приказных методов, которые сковывали инициативу и творчество трудовых коллективов. Но это не так. Наряду с этим отсутствие глубоко обоснованных долгосрочных планов приводило к несогласованному развитию отраслей и регионов, к серьезным нарушениям в экологии, словом, к негативным последствиям в тех сферах, которые являются объектами централизованного планирования. Более того, это отрицательно отражалось и на развитии действующих предприятий, так как сдерживало их техническую реконструкцию, поскольку она также требует времени и расширения горизонтов планирования.

В современных условиях долгосрочный план особенно необходим для обоснования тех заданий пятилетних и годовых планов, от выполнения которых зависит наше завтра. В новой редакции Программы КПСС поставлена задача «органично сочетать долгосрочные, пятилетние и годовые планы».

И все же среди экономистов и даже самих плановиков преобладает прохладное отношение к долгосрочному планированию. Оно порождено не только тем, что «текучка заедает». Причина еще в непонимании глубинной связи между трудностями «текучки» и недостатками долгосрочного планирования. Между тем подавляющая часть этих трудностей была бы снята глубоко продуманным и сбалансированным долгосрочным планом. В. И. Ленин убеждал: «Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет».

Вы спросите: разве мы можем заранее знать, какие технические новшества нас ожидают через 10, 15, 20 лет? Вот в этом как раз и необходим прогноз — научный, серьезный прогноз. Нужны прогнозы и в части разведанных полезных ископаемых, и в части демографических процессов. В какой-то мере эти прогнозы могут оказаться неточными. Значит, надо будет скорректировать планы. Коррективы, вызываемые объективными причинами, не означают, что с самого начала план был неправилен. Любой план составляется в рамках уже познанного. И пока он не подвергся уточнениям, его следует рассматривать как закон в том виде, в каком он утвержден, и независимо от того, кем принят, в том числе и трудовым коллективом. В Законе о предприятии прямо указано, что предприятие несет всю полноту ответственности за выполнение принятых обязательств.

В интересной статье «Сила и бессилие»* Ю. Феофанов заявляет, что формула «план — это закон» — несуразица. «Закон,— пишет он,— корректируют, изменяют, отменяют, не выполняют. Что это за закон?» Никакой несуразицы тут нет. Важнейший элемент плана — договорные обязательства. Их невыполнение наказуемо в соответствии с хозяйственным правом. Весь народнохозяйственный план включает в себя и директивные адресные задания (в частности, государственный заказ), и экономические нормативы, лимиты, социальные результаты развития экономики, экспортно-импортные отношения, финансовые балансы и их сердцевину — государственный бюджет. Коррективы, принимаемые в ходе выполнения плана, не могут отменить обязательности его выполнения. План как закон, конечно, отличается от законов, не имеющих количественного выражения, например, законов — запретов. Поэтому вполне допустимо говорить о степени выполнения закона — плана. Высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР ежегодно принимает Закон Союза Советских Социалистических Республик «О Государственном плане экономического и социального развития СССР» на следующий год.

Избавляемся ли мы от трудностей обоснования заделов тем, что удлиняем плановый период? Ведь в конце 20-летнего периода должен быть создан задел на еще более далекое будущее? Это верно, но доля его во всем объеме капитальных вложений за весь период настолько мала, что можно принимать его ориентировочно и без особой конкретизации.

Как отражается взаимосвязь текущего и перспективного планирования на отдельном предприятии! Во-первых,— и это касается любого

* См.: Неделя. 1988. № 23. С. 8.

предприятия — техническое развитие, обновление оборудования, а тем более реконструкция требуют времени. Как правило, в данном году нужно провести либо большую подготовительную работу, чтобы в следующие годы осуществить развитие производства, либо создать задел в реконструктивных работах. Во-вторых, для промышленных предприятий инвестиционного комплекса, особенно для заводов машиностроения, объем и состав продукции в данном году в подавляющей части определяются потребностями перспективного развития производства у заказчиков.

Очень важно, чтобы в условиях расширения самостоятельности предприятий трудовые коллективы были сами озабочены обеспечением наиболее эффективной «связи времен». Жизнь подсказывает интересные решения. Особо хотелось бы выделить аренду целых предприятий.

Опыт Москвы подтвердил, что арендный подряд не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности — весьма прогрессивная форма хозяйственного расчета. В Подмосковье восемь трудовых коллективов предприятий стройиндустрии взяли заводы в аренду. При аренде заключается договор на длительный срок, в нем указываются не нормативы, а конкретные суммы отчислений от дохода. Здесь наиболее последовательно осуществляется ленинский принцип замены разверстки налогом. Самостоятельность предприятий выше, чем в двух известных моделях хозрасчета. В результате ускорилось развитие предприятий, улучшились все показатели работы. Так, Буньковский экспериментальный завод по производству деталей домов для села уже в прошлом году по отдельным показателям вышел на рубежи, запланированные на 1990 год. Но что особенно важно — завод одновременно создает задел на будущее, связывает сегодня с завтра. Директор завода Н. Федосеев так сказал об этой особенности арендного подряда: «До перехода на него мы жили проблемами нынешней пятилетки, не думая и не гадая о том, какие задачи придется нам решать в следующей. Арендный подряд заставил нас заглянуть и в завтрашний день. Ведь при переходе на аренду мы заключили договор до 1995 года... Аренда не только раскрыла нам перспективу, но и застраховала договором от разных неожиданностей».

Для того чтобы в производстве заглянуть в завтрашний день, нужно иметь четкий ориентир относительно потребностей будущего периода.

Каким образом можно согласовать перспективный план производства с перспективными потребностями! Выше мы уже касались абсолютных потребностей — желания обладать товарами. Именно они, а не сиюминутный платежеспособный спрос, дают ориентир развитию общественного производства в перспективе на 15—20 лет по всей номенклатуре продукции и услуг. Разумеется, при этом часть произведенной продукции резервируется для общегосударственных нужд, учитываются возможности импорта и потребности экспорта и т. д.

Существенно отметить следующие моменты:

во-первых, речь идет об укрупненной номенклатуре продукции. Скажем, фасоны, размеры, расцветки одежды, учет которых необходим для согласования текущего спроса и предложения, не являются объектами долгосрочного планирования. Но общий объем производства швейной промышленности, а главное — развитие и размещение ее мощностей по стране должны быть определены в долгосрочном плане обязательно;

во-вторых, максимальное приближение к удовлетворению абсолютных потребностей по разным благам должно планироваться в различной степени в соответствии с предпочтениями, отдаваемыми населением. Одно дело, например, потребность в мясе, по которой надо как можно быстрее достигнуть полного удовлетворения, другое — легковые автомашины или цветные телевизоры;

в-третьих, траектория движения к максимально возможной степени удовлетворения абсолютных потребностей к концу 15—20-летнего периода должна быть такой, чтобы из пятилетия в пятилетие и из года в год повышался уровень народного благосостояния.

Такова внутренняя логика поиска оптимального пути развития экономики.

Возникает вопрос: если известны абсолютные потребности, почему мы говорим лишь о максимально возможном приближении к их удовлетворению? Нельзя ли в долгосрочном планировании за исходное взять задачу полного удовлетворения этих потребностей?

Однако заранее до разработки долгосрочного плана даже на 20 лет нет гарантии, что развитие производства при самом широком использовании резервов интенсификации и повышения эффективности способно будет удовлетворить полностью все абсолютные потребности. Продовольственная программа ставила целью к 1990 году по основным продуктам питания выйти на уровень научно обоснованных душевых норм потребления. Но, как говорится, не единым хлебом жив человек. Чтобы полностью удовлетворить абсолютные потребности, например, в жилье, не забывая при этом о всех других нуждах и запросах населения, даже двадцати лет недостаточно.

У нас развернуто огромное жилищное строительство. Каждый год около 2 миллионов семей получают ключи от новых квартир. Тем не менее жилищная проблема до сих пор остается острой. Достаточно сопоставить количество годового строительства новых квартир с числом браков. За год это число равно в среднем около 10 в расчете на 1000 человек населения, а общее их число составляет около 3 миллионов. А сколько еще семей ждут своей очереди на улучшение жилищных условий! Кроме того, наряду с вводом жилья приходится сносить пришедшие в негодность старые дома. Говоря об абсолютных потребностях в жилищном фонде, надо также иметь в виду не только квадратные метры площади, но и качество жилья (безлифтовые пятиэтажки с крохотными балкончиками — если и выход, то только временный).

Кроме того, абсолютные потребности не остаются неизменными. Они развиваются прежде всего под воздействием производства. Пока не было освоено изготовление цветных телевизоров, нельзя было их включать в состав абсолютных потребностей. Но как только они появились, их абсолютную потребность уже надо было считать практически равной количеству семей, то есть примерно 70 миллионам. А за весь период с конца 60-х годов по 1987 год цветных телевизоров было выпущено около 15 миллионов штук. При этом немалая часть новой продукции пошла на замену пришедших в негодность телевизоров.

Определяя абсолютные потребности, необходимо учитывать прогнозы освоения новинок в производстве и повышение качества уже освоенных изделий.

Теперь о главном: **есть ли способ согласования долгосрочного плана развития народного хозяйства с требованием максимально возможного приближения к удовлетворению абсолютных потребностей!** Такой

способ есть. Это нахождение оптимального варианта плана по критерию, вытекающему из данного требования.

Практика, к сожалению, еще далека от применения этого способа. Это не значит, что долгосрочные плановые расчеты имеют какую-то другую цель. Рост благосостояния народа — высшая цель всех наших планов. Весь вопрос — в числе сопоставляемых вариантов планов. Технология планирования ныне такова, что за время, отведенное для разработки долгосрочного плана, не удается «переварить» и сотой доли объективно имеющихся вариантов.

Народнохозяйственный оптимум — это не просто приближение, а именно максимально возможное приближение к полному удовлетворению абсолютных потребностей. Найти этот оптимум нельзя иначе, чем комплексно, поскольку слишком велика взаимосвязь между всеми звеньями народного хозяйства. Варианты плана коренятся в вариантах технических и технологических решений.

Здесь не место рассматривать детали технологии оптимального планирования.

Достаточно сказать, что имеется опробованная прикладная модель комплексной оптимизации долгосрочного плана с помощью ЭВМ, но ее использование пока крайне сужено: лишь в предплановых расчетах она применяется по весьма ограниченной номенклатуре продукции.

Что же мешает использованию современных ЭВМ для поиска народнохозяйственного оптимума?

На наш взгляд, объективных преград здесь нет. Мешает делу невосприимчивость практики к новому, нежелание ломать устоявшиеся, привычные процедуры планирования. Министерства представляют в Госплан проекты перспективных планов, в которых уже заложены определенные технологические пропорции производства продукции. Если они не стыкуются с проектами планов других министерств, Госплан вносит коррективы на основе системы балансов. Попытка улучшить план в ходе его разработки сводится к изолированным развязкам отдельных узелков.

Для оптимального же планирования, на наш взгляд, в Госплан СССР должны стекаться не варианты проектов отраслевых планов, а варианты технологических отраслевых решений в виде соответствующих им вариантов норм фондоемкости, материалоемкости (по видам сырья и материалов), энергоемкости и трудоемкости конкретных видов продукции по номенклатуре централизованного перспективного планирования. Вся эта информация вместе с данными об общегосударственных нуждах (включая экологические требования) и о возможностях со стороны динамики трудовых ресурсов, земельных угодий, полезных ископаемых позволяет из всего множества вариантов социально-экономического развития с помощью ЭВМ найти единственно верный вариант. Именно он обеспечит максимально возможное приближение к удовлетворению абсолютных потребностей в рамках данной перспективы.

Перестройка хозяйственного механизма, переход на самофинансирование и самоокупаемость предприятий и отраслей создают очень важную предпосылку для формирования добротной информации о самых прогрессивных вариантах технологических решений.

Интенсификация необходима не только в производстве, но и в управлении. Более того, интенсификация управления на базе ЭВМ, в том числе его центрального звена — планирования,— обязательное условие скорейшего становления преимущественно интенсивного типа социалистического воспроизводства в нашей стране.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования» (июль 1987 г.) отмечается: «Не получили должного применения в планировании современные экономико-математические методы и вычислительная техника». Пора исправлять этот затянувшийся и ничем не оправданный недостаток деятельности плановых органов.

Однако только ли практика сторонится оптимизации планирования? Мешает делу и продолжающийся разнобой в подходе теоретиков к решению проблемы. До сих пор, например, многие считают, что целевую функцию нельзя построить без соизмерения разнокачественных благ, в том числе и в сфере личного потребления. А так как никто еще не придумал, как превращать сапоги всмятку, то дается лишь глубокомысленное обещание: когда-нибудь мы сумеем соизмерять несоизмеримое, вот тогда и настанет час для оптимального планирования.

По заключенному в продуктах труду могут заменять друг друга при определенных условиях лишь средства производства. Но соизмерять потребительные стоимости непроизводственного назначения невозможно. Между тем есть опробованный способ выражения целевой функции без соизмерения разнокачественных благ.

Вообще следует сказать, что во многих выступлениях в печати трудности в деле оптимального планирования нагромождаются и преувеличиваются по причине схоластического подхода к этому живому делу. Спрашивают, например: а знаете ли вы, формируя целевую функцию, какая мода платьев будет в 2010 году; какие марки автомашин потребуются; как количественно выразить превращение труда в первую жизненную потребность и т. д. и т. п. Прав был Эсхил, который утверждал: «Мудр, кто знает нужное, а не многое». Нельзя забывать, что для определения народнохозяйственного оптимума не требуется аптекарская точность исходных данных и расчетов. Важны существенные для результата расчетов различия между технологическими решениями и существенные изменения комплекса величин целевой функции. То и другое поддается достаточно точному измерению.

Во всяком случае, все готово для того, чтобы приступить к этому делу. Не за горами тринадцатая и четырнадцатая пятилетки. В текущей пятилетке создается база для социально-экономического ускорения. Нужно уже сейчас готовиться к тому, чтобы планы двух будущих пятилеток основывались на оптимизации долгосрочного плана до 2010 года посредством реально имеющихся для этого возможностей.

* * *

Итак, далекие горизонты планирования, как в пространстве, так и во времени, оказываются очень близкими по их влиянию на текущие дела в каждом звене народного хозяйства. От качества и степени согласованности локальных планов с народнохозяйственным и текущих планов с перспективным во многом зависит успех коренной экономической реформы.

Андрей Нуйкин

«ЗАТО У НАС НЕТ БЕЗРАБОТИЦЫ!..»

Чем дырявее становится «железный занавес», чем больше цифр узнаём мы про свою экономику, тем более грустную улыбку вызывает у нас припев всем известной песенки: «Зато мы делаем ракеты...» Делаем. Только все это меньше и меньше способно компенсировать в нашем сознании отсутствие колбасы и стирального порошка в магазинах.

Енисей перекрыли, спору нет. Нелегкая это была победа, дорого обошлась и казне и природе. Но если американцы не спешат перекрывать Миссисипи, то вовсе не потому, что их техника не позволяет им это сделать.

«В области балета» тоже есть достижения, хотя и отдельные провалы все чаще имеют место. Но уж в чем мы действительно «впереди планеты всей», так это, пожалуй, в таком показателе, как неиспользованные возможности талантливых людей.

Тем не менее остается в нашем идеологическом арсенале одно козырное «зато», к которому можно прибегнуть в трудную минуту и которое пока верой и правдой служит нам: «Зато у нас нет безработицы!..»

С возмущением комментируя определение: «страшная, затяжная «зима», данное одним из читателей «Правды» годам сталинщины и брежневщины, рабочий «Уралвагонзавода» Л. Торопцов как главный аргумент против подобного «очернительства» приводит в той же газете соображение: «Мы понятия не имеем, что такое безработица» (см.: Правда. 1987. 20 июля). Очень весомым должно быть благо, если в сознании трудящегося человека оно способно компенсировать все ужасы сталинского террора и всю беспросветность брежневского разворовывания страны.

Известный советский публицист Отто Лацис, говоря о причинах товарного изобилия в странах Запада, высказывает, в частности, и такие соображения: «Капитал не терпит очередей в магазинах: очередь — это неудовлетворенная потребность, непокрытый спрос, неиспользованная возможность сбыта, неполученная прибыль...» (Знамя. 1988. № 2. С. 180). Ну а чтобы быстро реагировать на малейшие изменения в спросе, нужны мобильные резервы. Разные, в том числе и в рабочей силе. Так что безработица у них не просто продукт стихийности, но и плата за пластичность экономики. Плата эта ложится частично на плечи общества (пособия по безработице и т. д.), но в основном, конечно, на плечи самой «резервной армии» безработных.

«Около трети зарегистрированных безработных не получают пособия,— приводит О. Лацис признание президента земельной биржи труда земли Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ) господина Зунда.— Само пособие в два-три раза ниже средней зарплаты рабочего. И оно никак не решает моральную проблему... Тот, кто несколько месяцев остается без работы, погибает и психически, и физически... Люди меняются во всех отношениях. Медленнее ходят, медленнее разговаривают, теряют интерес к обучению. Одна из главных задач для нас — создать мотивацию, поддержать их в нормальном психологическом состоянии. С молодыми это иногда удается, но кому за пятьдесят — перспективы не видят... Я считаю, что издержки вашего (т. е. советского.— *А. Н.*) общества, связанные с дефицитом товаров,— меньшее зло, чем издержки нашего общества, связанные с дефицитом рабочих мест».

А. А. Нуйкин — писатель, публицист.

Что и говорить, состояние безработного — и физическое, и психическое — не то, чему можно позавидовать, даже если вокруг море разливанное самых соблазнительных товаров и услуг, но... хорошо ли господин Зунд представляет издержки нашего общества, связанные с дефицитом товаров?

Совокупное рабочее время всех людей, занятых в нашей стране в сфере торговли, составляет 11,6 миллиарда человеко-часов в год. А время, затрачиваемое населением на приобретение покупок (без того, что уходит на поиск нужных товаров, только на покупку!),— 65 миллиардов человеко-часов!

«Если пересчитать на годовой фонд рабочего времени,— констатирует Отто Лацис,— получается, что 35 миллионов человек у нас постоянно «работают» в очередях».

Если сложить всех работников строительства, транспорта и сельского хозяйства, и то цифра окажется меньше! Переходя на фразеологию господина Зунда, можно сказать, что в результате стояния (часто бесплодного) в этих бесконечных очередях люди наши «меняются во всех отношениях», девальвируя «и психически, и физически». Они не успевают отдохнуть после работы, побыть с детьми, почитать книгу, характер их становится склочным, вздорным, походка суетливой, взгляд рыскающим, завистливым, а у тех, кто отоваривается с черного хода или каким-то иным неправедным путем, надменно-вороватым.

На базе естественного или искусственно созданного дефицита у нас пышно расцвела организованная преступность, соединившая уголовников, торговцев, дельцов теневой экономики и государственный аппарат. Как отмечает следователь Прокуратуры СССР В. Олейник, «с предприятий и легкой, и местной, и пищевой, и прочих промышленностей в торговлю громадными партиями идет неучтенная левая продукция»; стакнувшись за крупные взятки с экспертами, определяющими кондицию импортных фруктов, «иные директора плодоовощных баз не стремятся к надлежащей заготовке овощей и их хранению. Больше того, поскорее стараются освободить помещения под дефицит, всеми силами уничтожая доброкачественные плоды, списывая потом на порчу, выбрасывая на свалки».

(Вот так создается дефицит и на наши отечественные картошку, капусту, морковь.)

Среди мафий выделяются днепропетровская, московская, кавказские, узбекская «семьи». Днепропетровская «захватила власть над Москвой, над Ленинградом. На этой почве происходят жестокие стычки... Только в кошмарном сне может присниться все то, что творится сегодня втихую. Случается, что исчезают люди... Даже довелось узнать, что людей закатывают в асфальт...» (Огонек. 1988. № 48. С. 8, 25).

Нет, недооценивает господин Зунд те издержки, что связаны у нас с дефицитом товаров! Тем более что список издержек можно продолжать и продолжать. Чего стоит хотя бы неудержимый рост цен, а стало быть, соответствующее снижение жизненного уровня. Там, где есть дефицит (тем более умноженный на ничем не ограниченную монополию производителя и торговца), можно назначать любую цену. А итоги?

«Средняя заработная плата японского рабочего,— как сказано в 1-м номере «Аргументов и фактов» за 1987 год,— 324 тысячи иен (у моряков в два-три раза больше). В переводе на наши деньги это 1200—2400—3600 рублей... Такие деньги может заработать в месяц и наш человек — мясник или могилокопатель, но что можно на них купить? — грустно констатирует писатель-дальневосточник Л. Вьюнник.— В Японии наши моряки покупают, например, «тоету» за 70 тысяч иен, ту, что японцы сдают в утиль, то есть проездившую два-три года. Я спрашивал моряков, которые десятки раз бывали в японских портах, и не только бывали, но и жили там подолгу в то время, когда судно стояло в ремонте: «Выходит, что японский моряк за месячную зарплату может приобрести столько вещей, что наш рабочий не приобретет за всю свою долгую рабочую жизнь?» Все отвечали утвердительно» (газета «Московский литератор». 1987. 13 ноября).

Пособие по безработице «в два-три раза ниже средней зарплаты рабочего», скорбит господин Зунд. Очень это мало? Смотря какова исходная цифра, не говоря уж о покупательной способности этой «цифры». «В США... почасовая оплата труда,— сообщает В. Кривошеев,— приблизительно раз в десять выше, чем у нас» (Дружба народов. 1988. № 10. С. 202). Если исходить из таких данных, их пособие по безработице получится «всего» в три — пять раз выше нашей зарплаты.

«Но при чем тут дефицит, при чем безработица? — пожмет кто-то плечами.— Здесь речь идет уже о производительности труда, общем уровне экономики, благосостояния...»

О некоторых связях дефицита с ценами, а значит, и уровнем благосостояния мы напомнили выше. А о том, какая тут связь с безработицей (или ее отсутствием) и производительностью труда, тоже можно высказать ряд соображений.

Вспомним о директоре совхоза «Илийский» Алма-Атинской области Иване Худенко. Вот несколько цифр, характеризующих результаты перехода зернового хозяйства совхоза с погектарной сдельщины (при доплате за сверхплановую продукцию) на безнарядно-звеньевую систему с оплатой только за конечный продукт.

Эксперимент начался в 1963 году. Если раньше в зерновом хозяйстве совхоза было занято 830 среднегодовых работников, то теперь дело оказалось под силу 100 постоянным механизаторам широкого профиля. Управляющего и обслуживающего персонала в зерновом отделении вместо 132 человек стало двое — главный агроном и экономист-бухгалтер. При этом площадь пашни осталась прежней — 55 тысяч гектаров. И среднемесячный заработок у звеньевого вышел 350 рублей, у остальных механизаторов — по 330 — вдвое больше установленной зарплаты; но, получив в три раза больше продукции, государство выдало в виде зарплаты в три раза меньше средств! Оказалось, что с той же техникой (ее, как выяснилось, было намного больше, чем требовалось), при тех же удобрениях почти каждый работник еще в начале 60-х годов способен был сделать столько, сколько делало восемь человек.

О какой производительности труда, каком высоком уровне жизни можно говорить при столь бездарной, даже преступной организации труда? Ни о какой. Но преступной объявили в то время именно ту организацию труда, которую предложил и блестяще опробовал Иван Худенко. Худенко умер в колонии, по выражению писателя Ю. Черниченко, «раздавленный юстицией». Он, сэкономивший государству сотни тысяч рублей и поднявший при этом заработки рабочих совхоза (рабочих, а не лентяев), был обвинен в хищении, в аферах и «липе» (см.: Литературная газета. 1987. 21 января). Почему? Во имя чего? Представьте

себе, именно во славу того самого «зато», с которого мы начали разговор.

Более 700 лишних рабочих только в одном совхозе! Это как понять? Намек на то, что у нас высочайший уровень «скрытой» безработицы (подкрепляемый тем, что заработная плата подавляющего большинства ниже пособия по безработице в развитых странах), которая при переходе на подряд рискует стать «открытой»? Тогда в каком же свете перед всем миром предстанет главное наше «зато»?.. Чиновники и обслуживающие их очень научные учреждения забили тревогу: «Не позволим какому-то авантюристу подрывать основы социализма!» И не позволили.

Плохо это кончилось не только для Худенко. Для всех нас. Без исключения. Я уж не говорю о позорной пустоте полок в наших продуктовых магазинах. Вспомним о японских рыбаках, о почасовой оплате труда в США... Доля заработной платы в национальном доходе СССР чуть ли не в два раза меньше, чем в США. Столь же низка и доля заработной платы в чистой продукции промышленности (та часть стоимости продукции, которая создана самим трудящимся, процент ее, попадающий в оплату труда.— *А. Н.*). Интересно, что снижение этой доли началось с 1928/29 хозяйственного года, когда она достигала почти 70%, а теперь она никак не больше 40% (см.: Дружба народов. 1988. № 10. С. 200).

«Низкой доле оплаты труда в чистой продукции соответствует и уровень средней реальной заработной платы. Он упал ниже предела, за которым зарплата перестает выполнять свои основные экономические функции: быть стимулятором качества труда и повышения его производительности...» (Московские новости. 1988. 21 августа).

Какие тайные умыслы движут моим пером, к чему я клоню? Уж не к тому ли, чтобы отречься от принципов социальной защищенности, лишить граждан СССР гарантированного права на труд? Уж не призываю ли я создать официально институт безработицы, чтобы, угрожая им, еще больше урезать у трудящихся оплачиваемую долю производимой ими чистой продукции?.. Отнюдь. Задача перед нами прямо противоположного характера. Только вряд ли мы ее разрешим, если, подобно рабочему Л. Торопцову, будем и дальше гордиться тем, что «понятия не имеем» о безработице. Страус прячет голову в песок тоже, наверное, потому, что понятия не хочет иметь насчет того, зачем к нему подкрадывается охотник с дубиной. Увы, страус очень рискует сохраниться для потомков только в пословицах русского народа. «Понятие» обо всем следует иметь, и желательно не фальсифицированное.

В том числе и об уже упомянутой нами скрытой безработице, которая может быть гораздо опаснее и разрушительнее открытой.

У нас мужики-земледельцы выезжают на поля чуть ли не к обеду, да и приехав (восьмером на клочок земли, посильный для одного), зачастую больше табака изведут, чем кормов заготовят. Строители, ведя загородные работы, берут в руки мастерок в 11, а в 16 уже сидят в автобусе, не забыв в промежутке пообедать (пишу эти строки в писательском поселке, возводимом уже двадцать лет именно по такому рабочему графику). Тысячи ученых десятилетия проводят в сотнях институтов, не выдав на-гора ни одной по-настоящему новой мысли, ни единой стоящей идеи... Десятки специалистов, не щадя себя, трудятся в журналах, зарубежные аналоги которых порой без шума выпускают три-четыре человека... Стоит ли, работая так, удивляться, что даже неквалифицированный рабочий во Франции получает в месяц более 550 рублей (по официальному курсу обмена франков на рубли. А если эту цифру умножить на разницу в покупательной способности денег?).

— Чтобы жить лучше, надо быстро увеличивать производительность труда,— горячимся мы.— Надо резко сократить армию, надо разогнать многомиллионные легионы организаций типа Минводхоза, которые с упорством муравьев наращивают усилия по уничтожению нашей природы, надо решительно сократить управленческий аппарат, доведенный до фантастической цифры в 18 миллионов и быстро плодящийся, несмотря на все грозные резолюции о сокращениях (ведь эта армия ничуть не менее разрушительна для нашей экономики, культуры, нравственности, политики, чем Минводхоз для природы), надо... Стоп! А куда мы денем эти неожиданно высвободившиеся полчища людей, ныне не нужных реально на их псевдорабочих местах? Ведь если дать настоящую (по мировым стандартам) нагрузку всем работникам, у нас окажется такой фантастический процент безработных, от простого упоминания которого господин Зунд в своей Северной Рейн-Вестфалии со стула упадет, а Л. Торопцов в Нижнем Тагиле, наоборот, может быть, в себя придет и осознает, что рабочему человеку следует «иметь понятие» о том, что такое безработица — и открытая, и скрытая,— чтобы обрести возможность сравнивать, выбирать, влиять на ситуацию.

Но так ли уж случайно он этого понятия не имеет? И действительно ли именно об его интересах денно и нощно пекутся те заботники о социализме, которые согласны, чтобы мы все получали зарплату меньшую, чем пособие по безработице, ради того только, чтобы они не утратили своего последнего «зато»?

Вспомним: утверждения о непригодности и даже антисоциалистичности безнарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда Ивана Худенко мотивировались прежде всего именно опасностью появления безработицы. «100 механизаторов вместо 830 рабочих при резком улучшении буквально всех показателей! — это, конечно, очень мило, но куда прикажете девать 700 лишних работников, которых мы обязаны обеспечить рабочим местом в соответствии с требованием Конституции!» Трогательна эта забота о рабочих и Конституции, только что же жалкий-то уровень жизни этих 700 рабочих столько десятилетий их радетелей не волновал и не волнует?

Так в чем же дело?

Отгадать данную социальную загадку, думается, не так уж трудно. Опыт Худенко делал ненужными не только 700 из 830 рабочих, но и 130 из 132 управленцев: учетчиков, бухгалтеров, нормировщиков и т. д. Тут, пожалуй, и зарыта собака. Конечно, и этими 130 низовыми управленцами «верховые» поступились бы без особых переживаний, если бы те не составляли звена общей неразрывной цепи. Ведь не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: если тут, прямо возле земли, в непосредственном управлении производством, столько совершенно ненужных, даже мешающих работать едоков, то сколько же их на остальных этажах управленческого аппарата?!

Нет, не о рабочих и крестьянах пекутся управленцы, чиня препятствия безнарядной системе, коллективному подряду, кооперации или аренде! Как резонно утверждают сатирики, чиновники стараются не ради дела, они работают друг на друга, то есть на себя и больше ни на кого! Тут начинается и тут кончается их идеология, а всякая прочая привлекается только для затемнения ситуации и затыкания рта кляпом демагогии.

«Советская власть и безработица несовместимы...» Ой ли? При Ленине ее существование признавалось открыто. Нэп, обеспечивший всестороннее быстрое развитие нашей экономики, совмещался с ней на всем протяжении.

Зато у нас сейчас нет безработицы!..

О скрытой безработице я уже писал, есть ли открытая? Есть, и в ряде регионов и профессий весьма значительная.

Докапываясь до главных социальных корней организованной преступности в нашей стране, В. Соколов писал: «Побывал в андижанской тюрьме на допросе... группы, обвиняемой в убийстве милиционеров... Ни один из троих не имел настоящей профессии, ни один не участвовал в общественном производстве — в маленьком городке Майли-Сай большие проблемы с трудоустройством. И таких, как они, в Средней Азии много (только в Узбекистане полмиллиона человек) и становится все больше.

Лишь в прошлом году в Узбекистане не смогли поступить на работу и продолжить учебу более восьми тысяч юношей и девушек. Все чаще случаи, когда девушка, приехавшая из села поступать в городское училище, поступает в итоге в подпольный бордель, а парень, оказавшийся в такой же безвыходной ситуации (не возвращаться же в село, где заведомо нет работы!), запускает пальцы в чужой карман — ибо жить как-то надо. И если им не помогает общество, то можно быть уверенным — рано или поздно им поможет общак» (Литературная газета. 1988. 17 августа).

Вот какую еще цену нам приходится платить за идеологическую застенчивость, вернее — за идеологическое лицемерие. Чтобы приступить к практическому разрешению любой из больных проблем, надо все же для начала признать, что она существует.

Самое обидное, что наши бескрайние просторы, пропадающие зазря беспредельные богатства, почти полная необустроенность жизни, даже централизация власти и ресурсов открывают непредставимые для других стран возможности в разрешении проблемы безработицы, а мы...

Несколько лет назад я попробовал столкнуть лбами некоторые сюжеты нашей публицистики, традиционно излагавшиеся разными авторами и на разных газетных полосах. Эффект буквально огорошил. Можно было бы это не вспоминать за давностью лет, но многое ли изменилось?

Сюжет первый — сентиментально-культуртрегерский (он много раз разрабатывался в печати).

Речь шла о Доме-музее поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле, нашей бесценной культурной реликвии. Он разрушался. Ремонт его начинали — разобрали крышу, да так и оставили во власти стихий. Почему? Причины типовые: «Рабочих нет. Нет и строительных материалов — из 105 кубометров леса, необходимого для ведения реставрационных работ, в наличии только 5» (Литературная газета. 1982. 13 октября).

Тут, как говорится, не поспоришь: нет леса! И людей нет. «Где мы возьмем их вам (интеллигентам), родим, что ли?» Убедительно, по крайней мере, относительно леса: его не родишь. Растить его надо. Долго-долго. Потом спилить, обработать, привезти. А для этого еще и дороги требуются!

В том же номере газеты, где речь шла о бедах музея Волошина, явно без особого умысла со стороны редакции была помещена корреспонденция, в которой сообщалось, что наши славные покорители природы добились больших успехов на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС: вовсю, мол, идет заполнение ее водохранилища. Как в любом большом деле, не все, разумеется, получается гладко — водохранилище, например, заполнять начали, а лес с затапливаемой территории так и не убрали. Прекрасный лес, частично кедровый. «Миллионы кубометров

его оказались под водой, и теперь эти брошенные деревья всплывают, скапливаются у плотины, мешают судоходству и медленно гниют»,— говорилось в корреспонденции.

Можно было бы не пожалеть того леса, если бы он пошел на изготовление скамей подсудимых для тех, кто совершает преступления такого, я бы сказал, планетарного масштаба. Против хищений в особо крупных масштабах есть, как известно, достаточно впечатляющие статьи Уголовного кодекса. Но что такое хищение? Незаконное перемещение ценностей (порой просто клочков бумаги, на которых типографским способом нанесены разные цифры) с одного места в другое. Тут же мы имеем дело с абсолютным уничтожением в особо крупных размерах реальных, жизненно важных для самого существования человечества ценностей, практически (как показывает опыт) невосполнимых, хотя теоретически леса можно вроде бы вырастить заново.

Так, может быть, хватит нам оставлять без сурового наказания тех, кто нагло и беззастенчиво занимается истреблением жизни на земле?! По скудости воображения мы все никак не осознаем, что такого рода преступления в своей совокупности вполне сопоставимы с акциями по развязыванию термоядерной войны. Но природа очень скоро может найти средства подстегнуть наше воображение. На этот случай, говорят, у нее много чего припасено!

Но вернемся к нашим сюжетам. И смех и слезы — на той самой стройке, ради форсирования которой оказалось загублено столько прекрасного строевого леса,— острейшая нужда в стройматериалах, в том числе древесных. Я думаю, никто из нас не удивился бы, узнав, что в Крыму начали рубить остатки лесов, чтобы обеспечить стройматериалами Саяно-Шушенскую ГЭС. А ведь как хорошо было бы наоборот: из тех миллионов кубометров леса, что медленно отравляют ныне еще одно рукотворное море, получить в нужное время всего 105, из-за которых мы долгие годы не могли отремонтировать музей Волошина.

Кстати, почему же не вырубили леса в затапливаемой зоне ГЭС (как и во многих других, еще более обширных зонах)? «Людей остро не хватает»,— констатировали авторы статьи. Серьезная объективная причина. Кого тут винить? Женщин, которые перестали в достаточном количестве рожать лесорубов? Вот и волошинский музей тоже из-за этого чуть не разрушился! «Рабочих нет!» Странно, конечно, что строительство гигантской ГЭС планировалось без учета наличия людских ресурсов. Что же это за планирование такое, что за хозяйствование?

Но... оставим и этот нюанс в покое, давайте взглянем на ситуацию в ее целостности: что нас заботит, что нам мешает в конце концов — избыток рабочей силы или ее острая нехватка?

Выше мы приводили свидетельства в пользу избытка, однако есть немало свидетельств прямо противоположного характера.

«Кадры, действительно, проблема из проблем... Сейчас в столице не хватает свыше 9 тысяч врачей и более 23 тысяч средних медработников» (Известия. 1986. 8 августа).

«В Минстанкопроме с 1975 по 1985 год объем производства возрос вдвое, а доля лишних мест — в пять раз. В итоге резко снизилась фондоотдача» (Правда. 1985. 25 ноября).

«У строителей — и не только нашего министерства — беды, как известно, общие: нехватка рабочих рук, а также материалов, конструкций...» (Правда. 1985. 2 декабря).

Из беседы с заместителем директора по экономике Уральского автомобильного завода А. Лохтачевым: «Миасские автомобилестроители с 1978 года медленно, но верно сползали в огромную «кадровую яму»...

Численность основных рабочих, не компенсированная техническим прогрессом, уменьшилась на 800 человек. Оголились рабочие места, совсем до ручки дошли! Я на заводе тридцать лет, но никогда такого не видел. Страшно становилось... До 500—600 человек сразу исчезают в апреле куда-то на шабашку... Надо проучить. Но куда денешься, если подбираем в городе таких людишек... алкашей... все отсевки пособирали» (Литературная газета. 1985. 25 сентября).

А вот обобщающая цифра, прозвучавшая на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС: «В настоящее время только в промышленности насчитывается около 700 тысяч незанятых рабочих мест. И это практически при односменной работе оборудования. При выходе на коэффициент сменности 1,7 число пустующих рабочих мест в промышленности превысит 4 миллиона».

Но это ведь только промышленность! А если вспомнить те же леса, не только возле Саяно-Шушенской ГЭС целыми Атлантидами ушедшие под воду из-за нехватки рабочих рук? Если вспомнить богатства Севера и Дальнего Востока, безобразно осваиваемые во многом и по этой причине? А какие неоглядные просторы для рабочих рук видны в сферах обслуживания! Во всех экономически развитых странах в сферах этих давно уже занято народа гораздо больше, чем в производственной. У нас все наоборот. Поэтому, наверное, пока что не сфера обслуживания нас обслуживает, а мы ее, когда она нам это позволяет: позволяет уплатить за что-то, приобрести что-то, что самим работникам сферы не требуется...

Тем, кто не спит ночей, боясь за рост армии безработных в случае массовой демобилизации, сокращения аппаратчиков или, например, ликвидации подразделений Минводхоза, стоит присмотреться хотя бы к проблеме дорог, из-за варварского состояния или полного отсутствия которых мы ежегодно калечим тысячи машин, теряем миллиарды рублей и гигантское количество сельхозпродуктов.

По-новому встают проблемы трудовой занятости в связи со взятым курсом на развитие индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, арендного подряда, укрепление хозрасчета — иными словами, тех экономических рычагов, которые способны дать новый импульс нашей экономике.

Не нелепо ли в этих условиях вновь и вновь запугивать себя ужасами безработицы? Социализм с его плановым хозяйством действительно не на словах, а на деле способен держать ее в узде, не превращать в средство закабаления и эксплуатации, притом вовсе не за счет превращения массы людей в скрытно безработных, а за счет разумного хозяйствования, широты маневра. А перераспределения трудовых ресурсов и естественной для эпохи индустриализации миграции населения при резком повышении уровня его жизни не смешно ли пугаться?

Но, может быть, не мы пугаемся безработицы, а нас ею пугают? И в итоге этого запугивания мы при острейшем дефиците кадров искусственно тормозим развитие производительности труда! Из «идейных» соображений держим восемь работников там, где вполне уже сейчас мог бы справиться один, заплати ему за это всего-то вдвое, втрое больше, чем он получает сейчас, не столько работая, сколько имитируя трудовую активность.

Вот и получается, что ради эффектного «зато», ради пустых манипуляций словами мы оказываемся готовыми мириться и с пустыми карманами, и с пустыми полками в магазинах. Не думаю, что верность марксизму и социалистической идеологии нас к этому обязывает.

Шод Муладжанов

Вниз по «чудо-лестнице»

Человек, берущий в руки московские газеты полувековой давности, наверняка обратит внимание не только на аршинные заголовки обличительных заметок с требованиями «выкорчевать» и «покарать железной рукой...». То и дело будут попадаться ему на глаза репортажи с крупнейших городских строек. И среди самых звонких заголовков первополосных рапортов — лозунги во славу метростроителей. Они и вправду совершили подвиг, начав сооружение сложнейшего технического комплекса, уникальных инженерных систем без опыта, без глубокой перспективной проработки, во многом вручную. Энтузиазм рождал чудо, воспетое в стихах и восторженных газетных публикациях, на киноэкране и в правительственных документах. Недолго носил Московский метрополитен имя «верного сталинца» (впрочем, кавычки тут ставить и не обязательно) Л. Кагановича. Когда столичной «подземке» присвоили имя В. И. Ленина, это казалось справедливым и логичным шагом: размах, масштаб, уникальность, наконец, полезность транспортного комплекса были под стать ленинским планам развития Москвы.

Что в имени твоем...

Отчего же теперь все реже в публикациях приводится полное название Московского метрополитена имени В. И. Ленина? Думаю, по причине этического толка. Уж больно блеклым выглядит ныне некогда ярчайший и круглый год праздничный образ нашего метро. Стерлась с его портрета помпезная позолота. И вздыхают ностальгически старожилы: как завидовали нам иностранцы! Парижане и жители Нью-Йорка, не говоря уже о гостях из иных, менее богатых зарубежных городов, восхищенно ахали, попадая в подземные дворцы.

Они и сейчас восторгаются, щелкают затворами фотоаппаратов, выходя из поезда на «Новослободской», гуляя по залам «Белорусской» или между колонн «Маяковской». Но их стараются отправить на прогулку по метровокзалам в те редкие дневные часы, когда путешествие это не грозит их здоровью и состоянию одежды. В часы пик случайно оказавшийся здесь иноземец будет реагировать отнюдь не на архитектурно-интерьерные красоты — он удивится неорганизованности толпы, нашей несдержанности, радиоокрикам машиниста, пассивности дежурного на перроне. Потоком же пассажиров его отнюдь

не поразишь: в Токио или Париже метро тоже не пустует. Но вот обстановка...

Мы с удовлетворением читали «аналитические» публикации, доказывавшие, что по уровню преступности наше метро куда благополучнее заморского. Да и чище наша «подземка», опрятнее. Наверное, повод для радости имеется. Но совсем иной настрой дает сравнение картины «Метро-89» с полотном 30—40-летней давности.

Беседуя с начальником Московского метрополитена Е. Г. Дубченко, другими руководителями управления, со специалистами МПС, не раз слышал от них возмущенное возражение: как можно сравнивать — масштаб, интенсивность работы, поток пассажиров — все нарастает со страшной силой. А техника старая. А кадров не хватает. А системы управления и схемы входов-выходов-переходов не рассчитаны на нынешние нагрузки. А эскалаторов при строительстве предусмотрели так мало, что ремонт любого из них создает «пробки», особенно в часы пик.

Это, конечно, не пустые сетования. Перечисленные и многие другие проблемы есть, и к ним мы чуть позже вернемся. А пока вспомним, что многие из «конфликтных» станций строились не в те далекие времена, когда больше думали о грандиозных архитектурных излишествах, чем о схемах пассажиропотоков, а в 70-е и даже в последние годы. К примеру, печальной памяти «Авиамоторная» с ее рухнувшим эскалатором * родилась в наши дни, как и многие другие станции, где по утрам и вечерам оттаптывают друг другу ноги в давке у «чудо-лестниц», у турникетов, у входов в вестибюли тысячи и тысячи москвичей. Понятно, что виновников неверных проектных решений сейчас никто разыскивать и наказывать не будет. Но есть ли гарантия, что снежный ком «прецедента» остановлен, что сегодня возобладал иной подход к проектированию линий и станций московского метро?

Специалисты не смогли однозначно ответить на этот мой вопрос, говоря, что хоть и существенно отличается от предыдущих новая, введенная в действие в конце 1988 года Тимирязевская линия, однако многое в ее эксплуатации будет зависеть от качества эскалаторов, электротехнического и прочего оборудования. Да и окончательную оценку разумнее все же давать через два-три года после пуска...

Чего же мы хотим от тех, кто не имел в своем распоряжении нынешних компьютерных богатств, всемогущих микропроцессоров и АСУ? Какой толк сетовать на их безграмотность? И станет ли пассажиру легче от того, что ему сообщат о степени износа оборудования и о том, что реле, системы энергопитания, предохранители, сигнализационные устройства конструктивно несовершенны? Претензии к Минтяжмашу, Минэлектротехпрому, Минприбору закономерны — но кого утешают самые объективные из обстоятельств и самые труднопреодолимые из технических барьеров? Они огорчают, что-то объясняют и...

Что в имени твоем, наш воспетый и раскритикованный метрополитен? Легенды блекнут — но ведь высокому званию надо соответствовать не по мере возможностей, а на некоем уровне, ниже которого опускаться нельзя. Бывал на собраниях в депо, в других подразделе-

* Чтобы ублажить «шефа» Перовского района — бывшего первого секретаря Московского горкома партии В. В. Гришина, станцию строили в спешке: поставлена была неопробированная модель эскалатора.

ниях метрополитена, говорил с десятками людей — от машиниста до начальника. Видел искреннюю тревогу, желание поправить дело. Но как-то уж очень глубоко запрятана была боль за честь марки. А большой счет, оставшийся где-то в далеких фанфарных временах, забыт, похоже, напрочь.

«Показуха это была, очки народу втирали. А по ночам путейцы материли тех, кто задерживает замену рельсов. Уборщицы спину надрывали, чтобы пол да ступени вылизать. Как же — образцовый метрополитен, лицо без морщин, как любил говаривать тогдашний городской начальник». Сначала мне понравилось это письмо в редакцию, от бывшей работницы МПС Л. Тихоновой. Действительно, и зоной вне критики метро было, и внимания его нуждам уделяли мало, и очковтирательства хватало. Но были в письме строки, которые как бы оправдывали нынешнюю нерашливость, какую-то необязательность в работе «подземки». Конечно, спины доблестных уборщиц надо жалеть, без техники им не обойтись — а ее по импорту закупают мизерными дозами. И ремонтников жаль, и путейцев, и машинистов. Но не ведет ли это к снижению планки, к новым, увы, куда менее строгим критериям? И в конечном счете к тому, что мы сегодня имеем: упал авторитет метро, как и многих московских предприятий, некогда красовавшихся на всевозможных Досках почета,— напомню горькие истории заводов «Динамо», имени Владимира Ильича, «Хроматрон»... И они оберегались от критики, и они пали жертвой «объективных трудностей», и их коллективы на каком-то этапе смирились со скольжением по наклонной плоскости...

Способен ли сегодня метрополитен вернуть былые позиции, в моральном, конечно, плане, поскольку в техническом, организационном прежние мерки давно пора забыть!

Вдогонку за экспрессом

Ехал как-то в кабине машиниста (с его, естественно, разрешения) по Горьковско-Замоскворецкой линии. Время было не «пиковое», но близкое к тому. Красивая картинка открывается, скажу я вам, когда прожектор высвечивает уходящее вдаль чрево тоннеля, когда желтые, красные, зеленые огни семафоров появляются впереди, словно возникая из небытия. Правда, романтичный настрой, скажись даже более эмоциональный пассажир на моем месте, пропадает очень скоро. Только набрал экспресс «крейсерскую скорость» — надо притормаживать, а то и вовсе останавливаться посреди перегона. Снова рывок, и снова, уже на подходе к очередной станции,— неплановая остановка. Сбиваемся с графика, нервничает машинист. Пассажиры, особенно «местные», теперь уже к подобным ситуациям попривыкли. Помню, как лет семь-восемь назад пугала, особенно людей пожилых, неожиданная стоянка в тоннеле. Начинали высказывать предположения, чуть не паниковать... Сегодня одна мысль: только бы не надолго, а то ведь на работу, по делам, на вокзал и т. д.— опоздаешь.

На сей раз заминки были небольшими. А случается и иное. И на Горьковско-Замоскворецкой, и на других линиях происходят сбои, последствия которых «рассасываются» часами. Для этого совсем не обязательны серьезная поломка поезда или, не дай бог, пожар. Где-то пассажиры дольше обычного входили в вагон, не давая закрыть двери, где-то диспетчер не сумел оценить правильно ситуацию, где-то

сигнализация сработала не столь четко, как требуется,— и вот уже идет по тоннелям и перегонам целой линии цепная реакция сбоя.

Можно ли на 100 процентов исключить такие случаи! Положительного ответа на этот вопрос специалисты не дают. Но подчеркивают, что можно и нужно резко снизить вероятность сбоев, используя в системах управления движением более совершенную технику, повышая квалификацию и усердие диспетчерских служб, четче проводя диагностику и своевременно ремонтируя все без исключения узлы, приборы как в самих экспрессах, так и в системах обеспечения.

Понятно, что новую технику, хоть электронную, хоть диагностическую, как и новые вагоны, эскалаторы, турникеты, работники метрополитена сами не создадут, для этого существует промышленность. Промышленность есть, это правда. Но давно уже метро для нее — обуза. Минтяжмаш и Минэлектротехпром, к примеру, сопротивляются, отбиваются от его заказов на пределе возможного. Это, в общем-то, вполне объяснимо: технические и эстетические требования здесь повыше, чем во многих других сферах, а серии заказываются сравнительно небольшие, гигантские масштабы «крупноблочного» производства не проходят.

А что же доблестное Министерство путей сообщения, в чье ведение перешел метрополитен после многолетнего пребывания в лоне мосгорисполкомовской системы! Конечно, ни один из руководителей МПС не признается журналисту, что метро и для этой отрасли — обуза, такое говорят лишь в кругу особо приближенных лиц. На фоне тысячекилометровых стальных магистралей, протянувшихся вдоль, поперек, а также по диагонали через всю страну, две-три сотни километров пути под московскими улицами и площадями, даже если приплюсовать к ним примерно столько же трасс в других городах, кажутся игрушкой в руках великана. Какое там метро, если растет аварийность на железной дороге, если вагоны попадают в Мурманск вместо Владивостока, если пассажиры постоянно ищут на вокзалах нечто вроде прославленного М. Задорновым «девятого вагона».

Безусловно, полностью игнорировать метрополитен начальство МПС не рискует. Вот и льготы железнодорожные на него распространили, и кое-чем из оборудования поделились, и кадры в управленческий аппарат «от сердца оторвали».

Беды «подземки» на коллегиях министерства обсуждаются регулярно и нелицеприятно. Ответы на критические замечания в газеты отправляются тоже более или менее регулярно, со свойственной железнодорожникам несколько своеобразной принципиальностью. Демонстрировать внимание приходится, особенно по отношению к московскому метро — как-никак столица, у совминовского и иного руководства на виду, общественность волнуется, пресса прессинг устраивает...

Но если говорить всерьез: мыслимо ли наладить четкую работу такого уникального комплекса, как метрополитен, когда средства на его развитие выделяет одно ведомство, городское, планирует и реализует это самое развитие — другое, а техническое оснащение выпускает третьи (их несколько). Такое расползание сил и административных функций в любом деле — прямой путь к бесхозяйственности и неразберихе. А тут ведь еще вступают в противоречие финансовые, плановые, материально-технические механизмы разных ведомств, что особенно ярко проявляется в условиях хозрасчета. Невыгодный заказ производ-

ственники отпихивают, отфутболивают, уступая только массированному нажиму высоких инстанций.

Примеров тому масса. И самый яркий — история знаменитых «экспериментальных» вагонов. Москвичи, наверное, помнят, как по Кольцевой линии долгонько ходили без пассажиров, развлекая публику на перронах, серые с блестками составы непривычных форм и изящных линий. О них писали в газетах, бодро рассказывали в телерепортажах и даже кинохронике. Видел я один такой «героический» экспресс в депо «Красная Пресня». Стоит на задворках, место занимает, раздражая и без того страдающих от тесноты работников депо.

Раздражает, думаю, не только бесполезностью. Как всякие нормальные люди, метрополитеновцы с удовольствием перешли бы с явно устаревших составов на действительно современные — как по дизайну, так и в техническом отношении. Надежду посеяли, «конфетку» показали — а толку чуть. С завода если и поступает техника, так слегка принаряженная, модифицированная, но по сути — заведомо «пожилая», в духе вчерашнего дня.

Погоня за ушедшим экспрессом — дело бессмысленное. И вряд ли кому придет в голову совершить такую пробежку в метро. Да и на пути спускаться запрещено... А вот сам метрополитен, если представить его в образе человека, устремленного вперед, к прогрессу, совершает нечто подобное. Ведомственные двери захлопнулись, электронно-безотказная техника уплывает в тоннель иных отраслей, а он все бежит, бежит по старому перрону, надеясь на чудо, уповая на внимание к его былым заслугам, показывая отчетами о растущих перевозках: я еще сгожусь, я нужен, без меня не обойдетесь! Конечно, не обойдемся, не обойдутся и те, кто ездит в метро на работу в министерства, НИИ и КБ упомянутых уже отраслей. А экспресс тем временем уходит, набирая скорость под печальный гул критики.

Грустную картину рисую! Если что и преувеличено, то можно, наверное, простить гиперболу уставшему пассажиру московского метро, прошедшему полный курс испытания нервной и иных систем организма в экстремальных условиях утренних, вечерних, всегда малоприятных боев за место в голубом вагоне. То место, которое вроде бы гарантировано укладывающемуся в статотчетность одному из перевозимых ежедневно миллионов пассажиров. Почему и здесь, в метро, как в торговле, системе так называемого сервиса, других сферах наших житейских забот, приходится с трудом отвоевывать причитающееся тебе по закону, по логике, по всем вроде бы параметрам, кроме одного: в миллионной людской массе ты незаметен и безразличен работникам метрополитена, как и продавцам, водителям автобусов, приемщицам в химчистке, служащим в сберкассе...

«Подземная» этика

«Экономим!» — вещают метрополитеновцы. И закрывают в 22.30 часть входов на станциях Ждановско-Краснопресненской и некоторых других линий. «Рачительно используем кадры!» — сообщают они и ликвидируют чуть не треть разменных касс в вестибюлях, заставляя незадачливого пассажира с рублем в руках бежать по улице от одного входа к другому. «У нас все по графику!» — заявляют специалисты эскалаторной службы и равнодушно взирают на людской водоворот у входа на движущуюся лестницу, не думая даже включить остановленный, «по графику» соседний эскалатор.

Вызываются ли подобные ситуации отсутствием средств, устарелостью технического оснащения? Вряд ли. Тут, скорее, не срабатывают нравственные, этические рычаги. Можно сотни раз объявить — как это стало делаться в последнее время — по радио о том, что, находясь на эскалаторе, надо быть внимательным и осторожным, можно сообщить даже публике о том, что такого-то числа на станции «Курская» трагически закончилась попытка одной женщины бежать по эскалатору, а на другой станции пострадала старушка, обойденная вниманием окружающих,— это попахивает больше показной, чем искренней заботой о здоровье и настроении людей. Можно напоминать или не напоминать пассажирам о том, что «у нас принято уступать места инвалидам и людям старшего возраста»,— но лучше бы предоставить им больше мест, увеличив интенсивность движения поездов даже в те часы, когда это и не очень выгодно метрополитену.

Кстати, пора уже затронуть эту самую рентабельность. Оправдывая многие из, мягко говоря, недостатков в работе метрополитена, руководители МПС любят приводить цифры, доказывающие убыточность этого вида транспорта. 8—9 миллионов рублей приходится ежегодно выделять из государственной казны, дабы покрыть расходы на работу московского метро. Что и говорить, сумма впечатляет. Особенно во времена массового перехода на хозрасчет, самоокупаемость. Тут даже призадумаешься: а может, и вправду надо, как того требуют многие специалисты, удвоить плату за проезд в метро?

Но попробуем взглянуть на ситуацию с иной точки зрения. Вы не замечали, сколько людей входят на станцию метро, предъявляя различные удостоверения, служебные проездные билеты? Длиннющий перечень «категорий пассажиров, имеющих право льготного проезда» я изучал с интересом, обнаружив в нем работников многих ведомств, а также заслуженных ветеранов, инвалидов и других действительно заслуживающих особой заботы людей. Не будем обсуждать вопрос о том, кто должен, а кто не должен расплачиваться за поездку собственным пятачком. Но вот что не вызывает сомнения: в любом случае этот пятачок нельзя брать из государственного кармана, из скудных метрополитеновских фондов. Кто заботится о пенсионерах, инвалидах? Органы соцобеспечения, военное ведомство, благотворительные фонды? Так пусть они и покупают из своих средств проездные подопечным. Надо оплатить транспортные расходы военнослужащим, работникам милиции, других ведомств? Почему бы не раскошелиться этим ведомствам? Речь-то идет не о тысячах — о миллионах рублей.

А почему, собственно, из казны метрополитена оплачивается труд сотрудников милиции, дежурящих на станциях? Это ведь несколько миллионов рублей ежегодно. Естественно, что ГУВД тоже не Крез, дополнительных ресурсов не имеет. Есть ли тут выход? Наверное. Его надо искать в новых формах взаимоотношений города и находящихся в нем предприятий, учреждений, министерств. В конце концов, кого перевозит метрополитен, чей покой охраняет находящаяся на его станциях милиция? В первую очередь речь идет о работниках означенных коллективов. Почему бы им не взять на свои, правда и без того достаточно нагруженные, плечи эту сферу? Может быть, есть и иные варианты, но их надо обязательно искать. Поскольку убыточности метрополитена все равно в условиях хозрасчета никто не потерпит, а удвоение платы за проезд надолго проблемы не решит — мы

прекрасно знаем, как это бывает, по опыту подорожания товаров, услуг.

Чего мы ждем от столичного метро? Порядка, надежности, культуры обслуживания, пунктуальности. Что нам предлагают сегодня? Терпеть то, что есть, во имя будущего сверхразветвленного, скоростного метро, которое усовершенствуют, реконструируют и проч. и проч. Нужны новые входы на станциях «ВДНХ», «Пушкинская» и других? Будут. Надо сократить промежутки между поездами в часы пик? Сделаем. Прекратить скрежет тормозящего у перрона состава? Обязательно. Заменить указательные таблички на более понятные и содержательные? Уже готовимся.

Однако стремление пойти навстречу реализуется в темпе черепашьего спринта, в расчете на «ближайшие пятилетки». Эскалаторы ремонтируются месяцами — о плановых сроках писать в объявлениях просто неудобно, все равно их никто соблюдать не собирается. Я уж не напоминаю о печальной истории лужниковского метромоста, доведенного до аварийного, угрожающего состояния и приводимого в надлежащий вид после затяжных приготовлений.

А мы ведь приходим в метро каждый день, да еще и не единожды за день. Мы по-прежнему считаем его самым быстрым и удобным видом транспорта в городе, поскольку автобусы с троллейбусами работают еще хуже, а такси «ловятся» совсем не тогда, когда ты особенно спешишь. Мы автоматически, хоть и с усмешкой, добавляем к слову «метро» титул лучшего в мире, желая видеть его таковым, надеясь на это превращение.

И хотя дальние планы — с новыми линиями, хордовыми связками, «большим кольцом», мобильными перронами и прочими чудесами — нас занимают, радуют, вдохновляют, гораздо больше сказываются на нашей жизни, настроении и здоровье каждодневные, прозаические и отнюдь не комфортабельные поездки в голубых экспрессах.

Вместо эпилога, совсем коротко

...Ранним утром отправляюсь на «Комсомольскую». Надо встретить поезд. В вагоне — несколько человек в форме работников метрополитена. Обсуждают предстоящее партсобрание, перемывают косточки начальству. А потом пожилой дядя в видавшей виды шинели хмуро замечает: «Скоро уж стыдно будет на улице в нашей форме показываться. Дожили! Вот выступлю сегодня, скажу это — так ведь возмутятся...» Но потом добавил: «А все-таки выступлю. Имею право. Просто надо». И притихла дискуссия. Мы вышли вместе на «Комсомольской», и, когда спутники поотстали, услышал только: «Пора за дело браться, черт побери!» Пора. Давно пора. Иначе куда приведет «чудо-лестница», если сползать по ней вниз!

Хава Волович

О ПРОШЛОМ

...Мои мечты не шли дальше рабочего станка где-нибудь на большом заводе. Об этом тогда мечтала почти вся молодежь. В двенадцать лет я даже пыталась поступить в фабзавуч, в котором никакого «фабзавучения» не было, а просто учили делать табуретки. Но меня не приняли, чем я недолго была огорчена, потому что табуретки были слишком прозаическим делом. Оно смахивало, опять-таки, на провинциальную кустарщину. А мне нужен был большой завод с дымящимися трубами или тайга с глубоким снегом и лесоповалом (я такое видела однажды в кино). Или уж, как предел мечтаний, какая-нибудь экспедиция, все равно куда — в Арктику или в Африку.

Почти все это я потом испытала до тошноты. И тайгу с лесоповалом, и арктический холод (хорошо, что в СССР нет Африки). И вообще все, что у нас в юности шло под кличем: «Даешь!» — мне было дано, но как удар по морде.

В 1931 году я сдала экзамены за семилетку. В том же году в нашем райцентре открылась типография, и отец устроил меня ученицей в наборный цех.

Боже, как я вначале радовалась своей работе! Как гордо и важно шествовала в конце дня домой в красной косынке, с испачканным краской носом! Пусть все видят, что я — рабочая, частица диктатуры пролетариата.

В те годы из Кремля дождем сыпались директивы, указы, законы, постановления. Целыми днями набирая тексты, я получала первые уроки политграмоты. И не только политграмоты. Я узнала, откуда берутся дети. Да. Набирая директиву о случке лошадей.

1932—1933 годы. Жизнь становилась все труднее. По улицам бродили лошадиные скелеты, обтянутые коростявой шкурой. Не имея чем кормить, крестьяне подбрасывали их в другие села или в райцентр, как котят или щенят. У крестьян, которые не хотели вступать в колхоз, забирали подчистую весь хлеб, картошку, даже фасоль. Часто в поисках хлеба разваливали печи, а то и хаты.

В 1933 году кулаков уже не было, единоличников тоже не оставалось. Теперь «раскулачивали» колхозников.

Планы хлебопоставок спускались не только для колхозов, но и для самих колхозников, хотя не было уже у них земли, кроме маленьких участков. Твердых, единых планов не существовало. Выполнит колхоз основной план, ему тут же дадут «встречный».

«Встречный» — это один из образцов преступной лжи, черным пятном запачкавшей то страшное время. Это вроде сами колхозы и колхозники, недовольные «маленькими» планами, сами накладывают на

Хава Владимировна Волович родилась в 1916 году в г. Мене Черниговской области. После школы работала наборщиком в типографии, потом корректором в редакции местной газеты. В 1937 году репрессирована, освобождена из лагеря в 1953-м, еще три года провела в ссылке, после чего вернулась на родину. Работала свинаркой, сторожем, истопником.

Эти воспоминания войдут в сборник «Доднесь тяготеет», который готовится к печати в издательстве «Советский писатель».

себя планы сдачи хлеба до последнего зерна. Будто это не «хлеб наш насущный», а шоколадные конфеты, без которых можно прекрасно обойтись. И исполнители этой лжи шастали по хатам, забирали все, что попадалось на глаза, даже последнюю буханку хлеба пополам с корой или лебедой. Выгребали семенное зерно из колхозных закромов. На слово «нема» они отвечали: «Нема такого слова! Ты ж щось жереш, а з государством подилытыся не хочешь!»

И пошла холера бесхолерная, голод, косить людей...

Все ли об этом помнят? Не знаю. Не слышала.

Сестра моей подруги, девочка пятнадцати лет, «слюбилась» с милиционером. Конечно, это была не любовь, а стремление спастись от голода. В шестнадцать лет она родила девочку, и муж отправил ее в дальнее село к своему отцу — сельскому попу.

Через год она вернулась к матери. Родителей ее мужа выслали, а Дуню отпустили на все четыре стороны, так как брак ее не был зарегистрирован из-за ее несовершеннолетия. Ей не позволили взять ни куска хлеба, ни единой тряпки. Одеяльце, в которое был завернут ребенок, один из активистов взял за край, выкатил из него ребенка на оголенную кровать и бросил в общую кучу вещей, отнятых у семьи.

К своей беде привыкаешь, как к хронической болезни, а чужая порой потрясает до слез.

Нет, не Дунина беда потрясла меня. Оставив ребенка у матери, она ушла из дому искать более надежное счастье. Отец умер, семья погибала с голоду. Мать, если ей удавалось что-нибудь достать, стремилась накормить своих детей, а внучку, чтоб скорей умерла, не кормила вовсе.

Девочка превратилась в скелетик, обтянутый желтой, покрытой белесоватым пухом кожей. Целыми днями лежала она в кроватке, не закрывая глаз. Они на ее трупном личике блестели, как стеклянные пуговицы. И не умирала. Губки, которые еще не научились говорить «мама», шептали: «Исси!» — просили есть.

Из всей нашей семьи я одна получала паек: 30 фунтов муки в месяц. Немало для одного человека, но недостаточно для семьи из семи человек. Муку растягивали недели на две. Варили мучную болтушку, заправляли щавель и лебеду. Но часто и эта жалкая похлебка вставала колом в горле: за окном выстраивалась толпа голодающих из южных районов, и душу выворачивал настойчивый жалобный стон: «Тетя, дай!»

Из своей порции, если у нас дома была какая-нибудь еда, я часть уделяла Верочке. Вцепившись цыплячьими лапками в мисочку, она мигом проглатывала содержимое, потом пальцем показывала на окно. Моя подруга выносила ее на солнышко и сажала на траву. Она сразу падала на животик и желтыми, старушечьими пальчиками начинала щипать траву и жадно запихивать ее в рот.

Это был железный ребенок!

Многих и многих детей и взрослых выкосила эта травяная диета, а она себе жила, дожила до лучших времен и превратилась в прелестную девчушку.

(Наблюдая потом лагерных пеллагриков, я вспоминала Верочку на траве, в которой ее младенческий разум угадал средство насыщения.)

...Набирая букву за буквой, я думала над текстом наборов, вникала в их смысл.

«Выкачка хлеба», «встречный план». Какие будничные в ту пору слова. Но какое ужасное содержание несли они в себе.

Встречный план — это не успевшие подняться на ноги и тут же разоренные колхозы. Выкачка хлеба — это толпы голодающих, кочующих с места на место в поисках пищи. Это сотни опустевших сел. Это трупы на улицах, брошенные дети, горы голых скелетов на больничных повозках, которые, не потрудившись чем-нибудь накрыть, везли на кладбище и, как мусор, сваливали в общую яму.

Возвращаясь с работы домой, я всегда старалась идти не центральной улицей, что было ближе, а огородами, мимо кладбища, чтобы меньше встречаться с голодными глазами людей. Однажды у кладбищенской ограды я увидела мальчика лет шести. Зеленое, опухшее лицо сочилось какой-то жидкостью из трещин на коже. Такой же жидкостью сочились опухшие, растрескавшиеся ноги. По ногам из-под домотканых штанин текла, по-видимому, только что съеденная трава. Атрофированный желудок не смог ее хоть сколько-нибудь переварить.

Мальчик стоял неподвижно. Из полуоткрытого рта у него вырывалось тоненькое: «И... и... и...» Он не просил и не ждал помощи ни от кого. Он видел, как взрослые люди, обязанные не уничтожать, а защищать его детство, приходили и отнимали у его семьи последний кусок, обрекая ее на голодную смерть. Люди были врагами, и он их боялся. Поэтому он ничего не искал на людных улицах, а пришел к кладбищенской ограде, может быть, в надежде найти что-нибудь съедобное, а нашел смерть.

Хлеб, отобранный у детей!.. Не знаю, помог ли он индустриализации в те годы мирового кризиса, когда и хлеб богатых стран не находил рынков сбыта и его топили в море. Вряд ли. Он гнил на элеваторах, и вместо того, чтобы хоть часть его вернуть народу, открыли вселенскую винокурню и стали поить водкой тех, кто еще мог пить и у кого было за что пить.

Красное Солнышко не хотело быть в глазах народа Страшным Букой. Оно понимало, что слишком перегнуло палку. Поэтому и появилась знаменитая статья — «Головокружение от успехов», где с больной головы все валилось на малоумные, то есть на местные власти. А ведь те без указаний свыше и дохнуть не смели, а, получив директиву, старались, как дурак на молитве. Только лбы расшибали не свои, а чужие.

Никто, от сельского до республиканского руководства, пикнуть не смел без команды Вождя. А эти команды, скатываясь с верхушки, встречали на своем пути навозные кучи угодничества и карьеризма, обрастали многократными «встречными» и «поперечными», которые довели сельское хозяйство до разорения, а сотни тысяч людей до голодной смерти.

Конечно, не мое было поросячье дело осуждать вождей и гениев. Я и не осуждала. Но о том, что творилось у меня на глазах, я, с наивной верой в ненаказуемость Правды, говорила открыто и запросто.

К тому времени я уже перешла работать в редакцию.

Дело в том, что корректорами и литработниками у нас были тогда люди случайные, не очень хорошо знакомые с грамматикой и орфографией (в вузах тогда учились «на живую нитку»). Переводы с русского на украинский делались коряво, и я, стоя у наборной кассы, расставляла по местам знаки препинания, убирала грамматические и стилистические шероховатости, чего я совсем не имела права делать, исправляла переводы и сама написала пару довольно удачных для уровня нашей газетенки фельетонов.

И когда очередной корректор-литработник, математик по специальности, ушел работать в школу, редактор взял меня в редакцию, откуда я потихоньку, сама того не зная, зашагала навстречу своей беде.

Я не хочу вспоминать своих тогдашних сотрудников ни плохим, ни хорошим словом. Мир их старости, если они живы, а если их уже нет — мир их праху. Но уж лучше бы мне до конца жизни стоять за наборной кассой, чем познать мелочную зависть людей к чужому успеху.

Редактор похвалил и пустил в печать без поправок мои фельетоны, а сочинительские потуги двух сотрудников редакции разбранил, и я

нажила парочку врагов в лице ребят, с которыми вместе читала «Как закалялась сталь» и пела «Нас утро встречает прохладой».

Заведующий типографией:

— Я двадцать пять лет стою за кассой, а не удостоился чести перейти на чистую работу, а девчонка и двух лет не проработала, и пожалуйста — стала «интеллигенцией»!

Машиниста я несколько раз ловила на традиционной типографской шутке: переставлял буквы в наборе, из-за чего слова приобретали опасно шутовской смысл; не выдержав однажды, я с ним крепко сцепилась.

И самый главный враг — мой собственный язык.

1935—1936 годы. Годы относительной сытости и ликующих песен. После потрясшего всех убийства Кирова — волна Большого террора. И волны нарастающего благоговения и любви к Вождю. А затем — гибель героев гражданской войны, революции и первых лет Советской власти.

Было чем потрясаться и над чем подумать.

Герои нашего детства! Они не жалели жизни, проливали кровь за Советскую власть и вдруг, на пороге ее расцвета, стали ее врагами.

Сомнения шевелились у меня в голове, еще недостаточно оболваненной. Их я выкладывала старшим, редактору. Никто мне ничего не мог сказать, только советовали помалкивать. Другие говорили: «У нас зря никого не судят!»

Как-то скучно, неприятно стало в редакции. Угнетала ложь. Ложь на каждом шагу. Пошлют взять интервью у какого-нибудь старого партизана или ударника полей. Он говорит одно, а писать нужно совсем другое.

Летом 1937-го в районе началась какая-то чертовщина. Полетела районная верхушка, в том числе мой редактор, которого я глубоко уважала. Невмоготу мне стало жить дома. А тут появился в печати призыв Валентины Хетагуровой. Она призывала девушек ехать на Дальний Восток. Я решила ехать. Я не хотела только читать о великих стройках, я сама хотела строить.

Ни уговоры родных, ни слезы матери не помогали. Я стала ходить в НКВД за пропуском. В нашем местечке я знала всех, но однажды в кабинете начальника я увидела двух незнакомых энкавэдэшников.

Домой я больше не вернулась.

Вот так. К другим приходили ночью и забирали тепленькими с постели, а я пришла сама.

Все, что завертелось вокруг меня с того злополучного дня — 14 августа 1937 года, казалось сном. И как во сне, я не столько переживала случившееся, сколько, как бы со стороны, наблюдала за всем, что происходит со мной.

Я, как и многие люди моей судьбы, не верила, что меня будут держать долго. И в то же время я понимала, что жизнь моя безвозвратно загублена. По обывательскому представлению, даже краткое пребывание в тюрьме накладывает на человека вечное пятно позора. И все же я с любопытством ждала, что будет дальше. Но после близкого знакомства со следователем, когда я узнала, чего от меня хотят, детское любопытство сменилось вполне взрослым чувством обреченности и отчаяния.

...К моему удивлению, камера оказалась светлой и чистой.

Шесть кроватей, покрытых старыми байковыми одеялами. Шесть женских лиц, шесть пар глаз смотрели на меня.

Вслед за мной внесли еще одну кровать и постель. Дверь захлопнулась, и я осталась стоять на пороге, не зная, как повести себя.

Женщины, как радушные хозяйки, постелили мне постель, дали умыться, предложили поесть.

От еды я отказалась. Хотя вторые сутки у меня не было ни крошки во рту, мысль о еде вызывала отвращение.

Кто они? За что сидят? Я среди них выгляжу пигалицей, малолеткой. Что, например, сделала вон та важная дама с седой прядью в русых волосах? Лежа на койке, она курит самокрутку и спокойно поглядывает на меня из-под припухших, как у китаянки, век. Это, наверно, идейная троцкистка. Или вон та, с длинными косами, в которых блестят серебряные нити, хотя лицо ее очень молодо.

Наверное, у всех есть какие-нибудь грехи, потому что сидят они, по-видимому, давно: лица бледные, одутловатые.

Я среди них — белая ворона. Ведь я ничего плохого не сделала и скоро уйду из этой камеры.

— За что тебя?

Что им сказать? Если я скажу — «не знаю», они не поверят. Исчезнут теплота, дружелюбие и участие, с какими они встретили меня. А я в этом так нуждалась. Они скажут: «Ни за что не сажают!» — и с презреньем отвернутся от меня, как от лгуньи. Значит, чтобы стать равноправной в этой компании добрых преступниц, нужно что-нибудь придумать.

— Я — диверсантка,— скромно сказала я.

— Какую же диверсию ты совершила?

— Поджог.

Странно! Вместо того чтобы броситься ко мне с распростертыми объятиями, женщины отошли и занялись какими-то своими делами и разговорами, не обращая на меня больше никакого внимания. Я была обескуражена.

Я очень устала за прошедшие сутки, и, когда раздался сигнал отбоя и женщины стали укладываться спать, я тоже легла. Но не прошло и пяти минут, как за мной пришли, посадили в «черный ворон» и повезли к следователю. Это был тот самый следователь, который задержал меня. Очевидно, выловленную им рыбу он потрошил сам.

В общих чертах я уже знала, чего от меня хотят. Еще там, в районном отделении, он спрашивал об отношениях с редактором, говорил о «преступной связи с этим украинским националистом и шовинистом». Я была поражена: наш редактор — националист и шовинист?!

Почему же он брал меня под защиту от глупых нападок мальчишек-инструкторов, от хулигана-машиниста и от пройдохи заведующего? Почему в трудные годы талоны в закрытый распределитель на ботинки и брюки он отдал моему отцу, а сам летом ходил босиком? Он добрый человек, а добрые не могут быть преступниками. Он самый честный, самый чистый человек, какого я знаю. Какой дурак мог наговорить, что он националист, шовинист?

— Расскажите об организации, в которой вы состояли вместе с редактором. Назовите фамилии членов этой организации.

Чудак этот следователь! Я ему втолковываю, что в нашем местечке нет и не может быть никаких таких организаций. Слишком у нас все будничко. Простые люди думают о заработке, начальство — о планах. Все обожают Сталина и осуждают врагов народа. Откуда же взяться враждебной организации? А он не верит и в двадцатый раз задает одни и те же вопросы, пока ему самому не надоело и не захотелось пойти поужинать.

Сегодня на допросе появилось новое:

— Говорили вы, что встречные планы разоряют колхозы?

— Да, говорила. Но ведь это правда!

— Вы брали на себя смелость судить партию?

— Но ведь это же не партия творила, а какие-то отдельные люди.

— Вы слишком молоды, чтобы своим умом дойти до таких рассуждений. Кто вам внушил их?

— Никто. Это мои собственные умозаключения.

— Против кого вы собирались заниматься террором?

— Если бы я и состояла в какой-нибудь организации, то только не в террористической. Я и жука не раздавлю.

— Вот показания вашей подруги: «В 1935 году она собиралась украсть у редактора револьвер и заниматься террором...»

— Интересно! Я состою с редактором в одной организации и собираюсь украсть у него револьвер! Он же мог сам мне его дать. И почему, если она такая патриотка, она не рассказала об этом тогда же, в 35-м году?

— Мы учли это. Она арестована за недонесение.

— Можно мне ее увидеть?

— В свое время мы предоставим вам такую возможность. А теперь расскажите...

И все начинается сначала.

Я устала, хотела спать, но он не отпускал. Только когда окна посветлели и с улицы стал доноситься шум наступающего утра, он вызвал конвоира и отправил меня в тюрьму.

Как только я вошла в камеру, прозвучал горн. Подъем. Женщины вскакивали с постелей, оправляли одеяла и с мыльницами и зубными щетками в руках садились на кровати в ожидании. Я легла, собираясь уснуть, но меня тут же растолкали:

— На оправку!
— Не хочу.
— Потом не пустят.
Нехотя встала и поплелась за другими в уборную.
К завтраку я не притронулась. Зачем в тюрьме есть? Нужно скорей дойти до истощенья и умереть.
Снова попыталась прилечь, но меня подняли на поверку. Старший надзиратель объяснил, что днем в тюрьме спать не положено, и даже прислоняться к стене и закрывать глаза тоже нельзя.
— Но меня всю ночь держали на допросе!
— Это нас не касается.
Несмотря на запрет, я снова легла, не обращая внимания на стук надзирателя в волчок. А когда в обед я не приняла миски с супом, он оставил меня в покое и я немного поспала.
После ужина — опять на допрос. И так — целую неделю. В голове у меня гудело, хотелось упасть на паркет и спать, спать, спать. В памяти всплыл рассказ Чехова «Спать хочется». Нянька задушила ребенка, который не давал ей спать. Может быть, задушить следователя? Я чуть не расхохоталась. Вот дура! Какой бред лезет в голову...
— Как вы дошли до жизни такой? — зевая, задавал следователь стереотипный чекистский вопрос.
— С вашей помощью,— отвечала я, тоже зевая. Когда я поняла, что мне не хотят верить, расхотелось их убеждать. Я или молчала, или отвечала какой-нибудь шуткой, или, глядя в сторону, зевала.
— Кто у тебя следователь, как его фамилия? — спросила меня однажды одна из сокамерниц.
— Ржавский.
— Ну и как? Сильно кричит?
— Нет, совсем не кричит. Только задает глупые вопросы. Кажется, он интеллигентный человек, только служба собачья.
— Хорош интеллигент! — с горечью сказала женщина.— Меня он таким матом обкладывал — сроду такого и не слышала...— И, отходя, пробормотала: — Хорошо, у кого есть хоть какое-то преступление.
Я покраснела.
— Послушайте,— сказала я однажды следователю, с трудом разлепляя воспаленные от бессонницы веки.— Мне уже все надоело. Напишите что угодно. Но чтобы это касалось лично меня. А если будет затронут хоть один человек — даром время потеряете.
— А мы никуда не спешим, времени у нас хватает...
Моя личность их мало интересовала. На мне нельзя было нажить ни чести, ни славы. Им было приказано собезьянничать «большой процесс» областного масштаба и требовались имена «идейных руководителей».
Выдерживать бессонные ночи у следователя и бездельные дни в камере помогало мне крайнее напряжение нервов. Я знала, что дай я им волю на одну минуту — и я закачусь в позорной истерике.
В камере я жульничала: дремала то сидя, то положив голову на подушку. Но всякий раз вскакивала при стуке надзирателя в волчок. В конце концов я обозлилась. Когда однажды к подъему меня привели в камеру, я сразу плюхнулась на койку и ни оправка, ни завтрак, ни поверка не смогли заставить меня подняться. Я спала каменным сном до полудня. В полдень в тюрьму явилось какое-то высокое начальство. Меня с трудом растолкали, но, узнав в чем дело, я опять легла. И вот начальство в камере. Я лежала, повернувшись лицом к стенке.
Задав обычные вопросы: «На что жалуетесь?» — и получив заверение, что «все хорошо», начальство обратило внимание на меня.
— А эта почему не встает?
— Она больна,— попытался кто-то робко выгородить меня.
— Если больна, должна лежать в больнице.
— Я не больна,— сказала я, чуть приподнявшись.— Мне уже целую неделю не дают спать.
Через час за мной пришли и отвели в карцер.
Карцер больше соответствовал моему представлению о тюрьме, чем наша большая, светлая камера. Маленькая каморка в подвале, с низким сводчатым потолком, с зарешеченным оконцем без стекла и низеньким лежаком, привинченным к цементному полу.
Я улеглась на лежак и сразу уснула.
Ночью я проснулась от страшного холода. Я пришла в тюрьму в ситцевой блузке, сатиновой юбке и туфлях на босу ногу. Других вещей у меня не было. Этот первый тюремный холод я никогда не забуду. Я просто не умею, не в состоянии его описать. Меня морил сон и будил холод. Я вскакивала, бегала по камере, на ходу засыпая, ложилась и опять вскакивала.
Утром принесли хлеб и воду. Я отказалась принять это. Когда надзиратель, невзирая на мой отказ, поставил кружку и положил хлеб на лежак, я выбросила хлеб в окно, а водой сполоснула лицо и руки.
И на второй и на третий день я делала то же самое. На третий день в обед мне принесли миску густого, наваристого супу и ломоть белого хлеба. Я ничего не приняла.
— Ах, дурочка, дурочка! — проворчал надзиратель.
Пришел корпусной с врачом, и меня спросили, чего я добиваюсь.
Я заявила, что не буду принимать пищи до тех пор, пока мне не разрешат читать книги или, в крайнем случае, шить или вышивать. Они переглянулись и вышли из камеры.
А через минуту вошел пожилой надзиратель, присутствовавший при разговоре, и положил на лежак махорочную закрутку.
— Закури, легче станет!
До этого я никогда курить не пробовала. Не знала, как и зачем это нужно — курить. Я думала, что дым заглатывают в желудок, что казалось мне отвратительным. Но, чтобы сделать приятное доброму человеку, я готова была проглотить хоть тряпку. И я стала глотать дым. Он волнами заходил у меня в животе, закружилась голова, затошнило, и вместе с тем появилось какое-то блаженное состояние забытья и покоя.
По-прежнему отказываясь от пищи, я стала просить у этого надзирателя закурить, когда он дежурил. Думая, очевидно, что я блатнячка и курю с пеленок, он не отказывал.
Я голодала десять суток. Принимала только воду. Есть не хотелось. В теле была такая легкость, что казалось — при желании я могу взлететь. Я превратилась в хворостину и до сих пор не понимаю, откуда брались у меня силы двигаться.
Меня навещал врач с корпусным. Я встречала их с высоко поднятой нечесаной головой. (У меня отобрали гребешок, и волосы превратились в паклю.) Только холод мучил по-прежнему.
Однажды я заявила корпусному, что решила во всем сознаться, и попросила дать мне побольше бумаги и карандаш.
Мне немедленно принесли требуемое, и я написала, что действительно состояла в организации и была в ней секретарем и казначеем; что «у нас» есть подпольная типография; что вместе с крупной суммой валюты, полученной из-за границы, она хранится в выгребной яме от недавно снесенной уборной возле старой синагоги; что там же находятся списки всех членов организации.
И отправила свое сочинение следователю.
Поздно вечером меня привели к следователю. Он был в кабинете один. Я нахально выпучила глаза.
— Зачем обманула? — спросил он.
— Так вас же правда не устраивает.
На допросы меня больше не вызывали.
Утром на одиннадцатые сутки (вместо пятнадцати) меня выпустили из карцера и отвели в камеру. Женщины — их стало больше — тепло встретили меня, расчесали мою кудлатую голову, заставили поесть...
Как раз в эти дни наш следственный корпус был взбудоражен новостью: камера «шосткинцев», то есть работников завода из города Шостки, обвиняемых во вредительстве, объявила голодовку в знак протеста против побоев и пыток на допросах. Накануне во время прогулки кто-то подбросил нам записку с призывом присоединиться к голодовке. Утром мы отказались принять пищу.
На стенах уборной появились нацарапанные призывы: «Жены и сестры, присоединяйтесь к нашему протесту!», «Нас пытают!».
Недолго думая, я сунула «и свое жито в чужое корыто», нацарапала крупными буквами: «Протестуйте против побоев в НКВД!», «НКВД — сталинская опричнина». И очень разборчиво подписалась. А потом еще добавила: «Наша страна превращается в необъятный город Глупов с Угрюм-Бурчеевым во главе».
Все мои творенья, конечно, списали и доставили следователю. Но в карцер не посадили.
Взвинченность этого дня, вызванная страхом за мужей, призывами и голодовкой, вечером завершилась общей истерикой.
На этом наша голодовка кончилась. Утром женщины стыдливо приняли завтрак.
А так камера у нас была дружная, да и вообще за два года скитаний по тюрьмам я не помню ссор и скандалов в камерах политических.
Мы не только грустили и плакали. Мы занимались самодеятельностью, пересказом прочитанных книг, перестуком с соседними камерами.
У меня появился жуткий аппетит. Истощенный организм требовал пищи, а еда становилась все хуже. Иногда на обед давали просто запаренную ячневую сечку.
Осенью 37-го тюрьма стала быстро наполняться. На окна повесили деревянные козырьки, и камера приобрела сумрачный вид.
По ночам нас будили страшные крики. Из нашего коридора уже нескольких увели на расстрел. В том числе бывшего председателя райисполкома Реву.

В ноябре мне предъявили обвинительное заключение: хулиганство в тюрьме. И я стала ждать суда.

А через короткое время в соседнюю камеру стали приводить жен энкавэдэшников. Почти все местное отделение во главе с начальником Тейтелем было арестовано. Арестован был и мой следователь, и прокурор, подписавший обвинительное заключение.

В январе 38-го года принесли новое обвинительное заключение, подписанное другим прокурором. 58-я, пункты 9-й (диверсия) и 10-й (антисоветская агитация), часть вторая.

В комнате, куда меня привели на суд, никого не было. Стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, а почти рядом со стулом, на который меня усадили, стоял небольшой столик и на нем лежал какой-то круглый резиновый мешок с отворотом в виде воротника. В камере говорили, что тем, кого ведут на расстрел, надевают на голову резиновый мешок.

У меня затряслись поджилки. Я будто оглохла. И когда вошли судьи (трое, четвертый — секретарь) и приказано было встать, я не сразу поняла, чего от меня хотят.

Это тянулось несколько мгновений. После первого вопроса: «Расскажите о своей контрреволюционной деятельности» — я пришла в себя.

Было предъявлено обвинение в обмане следственных органов (выгребная яма) и был задан вопрос:

— Зачем вы все это делали?

— Хотела позлить таких дураков, как вы! — брякнула я.

Сказала и поняла, что погибла. Эх, лучше бы я себе язык откусила...

Я взглянула на их покрасневшие лица, на сузившиеся глаза... И села, хотя мне полагалось стоять...

Читая приговор — 15 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, член трибунала часто останавливался, чтобы взглянуть на меня.

Я слушала приговор равнодушно, как нечто, не имеющее ко мне никакого отношения. Только фраза «конфискация имущества» вызвала у меня улыбку: имущества-то я за свою короткую жизнь не накопила.

Когда я вернулась в камеру и сказала, сколько мне дали, кругом заохали, запричитали, а я сказала:

— Человек живет в среднем 75 лет. 15 из 75 — это не очень большой кусочек...

В одиннадцати тюрьмах побывала я, прежде чем была отправлена в Котлас.

В Котласе, выйдя из вагона, я вдохнула такой воздух, каким никогда не дышала и у себя на родине. Настолько он был свеж, чист и прозрачен, что хотелось пить его, как воду. (Теперь, говорят, это один из самых задымленных и грязных городов Севера.)

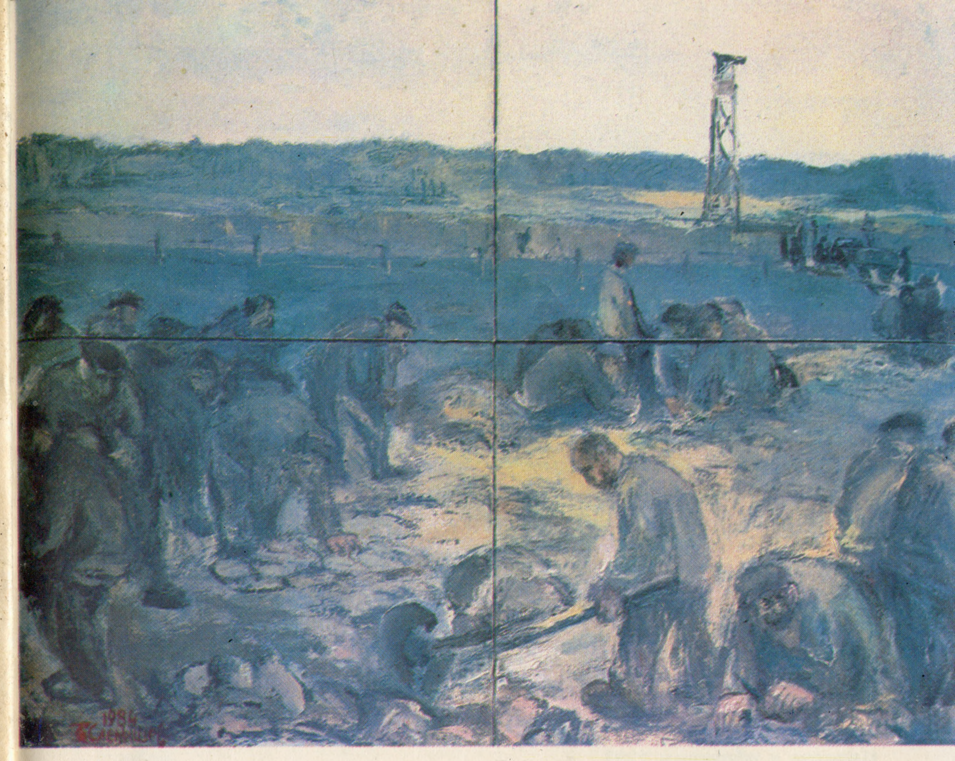
Огромная зона котласской пересылки. Был конец зимы, на дворе еще держался крепкий морозец, но в дощато-брезентовом бараке было тепло. Жарко пылал огонь в железной бочке.

На пересылке я пробыла полтора месяца. В середине мая вместе с десятком интеллигентных старичков меня направили в Коряжму. Они еле плелись от зоны до машины, в которой нас должны были везти. Особенно отставал один. Согнувшись пополам, он прижимал к животу небольшой узелок с вещами и, как ни старался, отстал от всех шага на полтора. И тут произошло то, из-за чего я мерзавца не могу назвать собакой из боязни оскорбить собачий род.

Конвоир, мальчишка, у которого еще недавно сопли через губу висели, подскочил к старику и с размаху ударил прикладом в спину. Тот покачнулся, но удержался на ногах. Не оглянувшись, с тем же отрешенным выражением лица, тем же заплетающимся шагом дошел до машины, куда мы помогли ему взобраться. Старик умер через три дня. Говорили, что это был крупный ученый-юрист. Фамилии его я не запомнила.

В Коряжме я задержалась недолго. Недели через две, уже в смешанном этапе, то есть вместе с бытовиками, меня отправили на трассу. Пешком через тайгу.

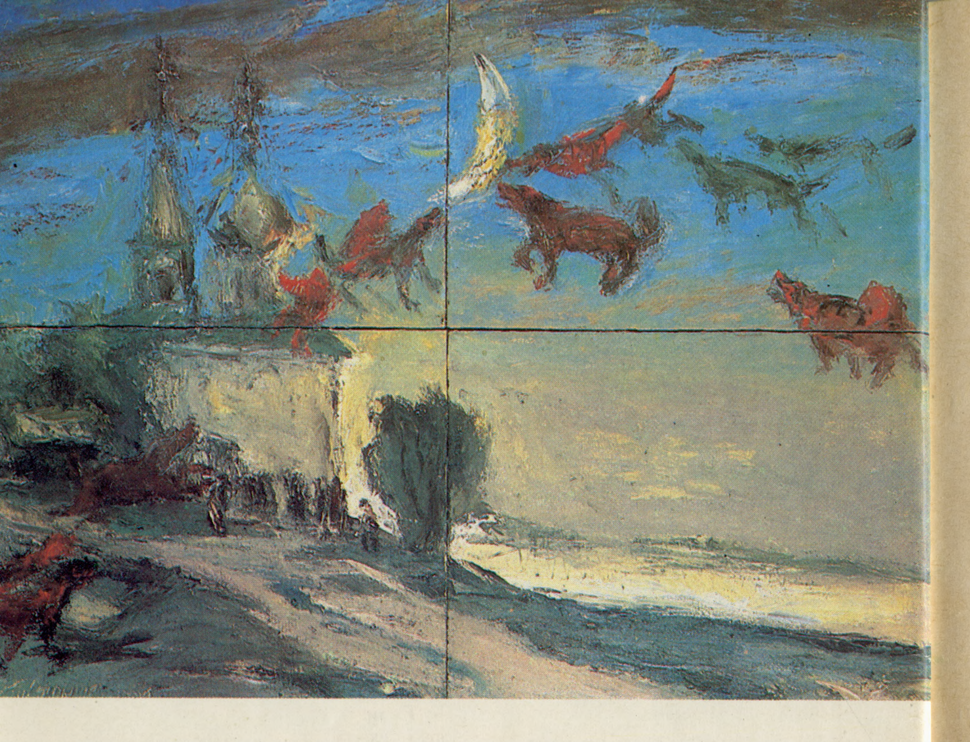
Нас встретили щелястые бараки, нары из круглых жердей. Пол тоже из жердей, немного выровненный слоем грязи. Отвратительная баланда из сечки, приправленная постным маслом.

Строительство дороги *1984*

Путник с лестницей *1988*

Церковь с облаками *1988*

Ловля рыбы *1988*

Прибыли мы вечером. Вместо полагавшегося послеэтапного отдыха нас на второй день распределили по бригадам и отправили очищать трассу от сучьев и завала.

Сперва мне работа даже понравилась. Ничего страшного! Бери бревно или сук себе по силе и тащи в сторону от трассы в кучу. А кругом — сосны и ели, солнце и трава, птицы и бабочки.

Только вот беда: для такой работы нужны шаровары и ботинки, а их нам никто не дал. На мне были домашние парусиновые туфли на босу ногу и легкое платьице. К вечеру кожа на руках и ногах покрылась глубокими, кровавыми царапинами.

На следующий день была уже «настоящая» работа. Нас погнали в болото снимать растительный слой.

Этот слой, толщиной в полметра, пропитанный гнилой болотной водой, лопатами резали на куски и на носилках, где по щиколотку, а где по колено в воде, несли метров за 40—50 в сторону.

Я оказалась в паре с седовласой, очень худой женщиной. Задыхаясь, она торопливо накладывала на носилки целую гору торфяника и, спотыкаясь, тащила носилки за передние ручки, а я спотыкалась следом за ней. Руки у меня отрывались от непосильной тяжести, болели вчерашние ссадины, которые за ночь не подсохли, наоборот, покраснели и загноились.

— Зачем вы так надрываетесь? — спросила я у своей напарницы.— Ведь так мы не дотянем до вечера.

— На днях на разводе,— сказала она,— начальник объявил, что ударники получат досрочное освобождение. А я — коммунистка. Хотя меня и так долго держать не будут. Я здесь по ошибке, и партия разберется...— Помолчав, она добавила: — Если бы партия приказала мне ехать сюда добровольно, разве я бы не поехала? Только сына взяла бы с собой.

В тот же день на трассе побывал начальник лагпункта Малахов. В лагере он прославился как человек жестокий и беспощадный. Особенно ненавидели его блатные, они дали ему кличку — Комар.

Посыпались робкие просьбы. Просили ботинки, брюки, рукавицы. Он молчал, щурил один глаз, из-за чего лицо казалось перекошенным, и смотрел поверх голов направо и налево, оценивая сделанную работу. Наконец он процедил:

— Ботинок и брюк — нет. Рукавиц — тоже нет. Через три дня этот участок должен быть закончен. Через двенадцать дней здесь уже будет насыпь. И, повернувшись к нам спиной, пошел к другим бригадам.

К концу дня моя горевшая энтузиазмом напарница стала выдыхаться. Все меньше кусков торфяника ложилось на носилки, сильнее становилась одышка. Мне было не лучше. Туфли раскисли и сваливались с ног, пришлось привязать их веревочками. Ладони покрылись мокрыми волдырями. Утром я не вышла на развод. Через полчаса после развода нарядчик повел меня к начальнику.

На вопрос, почему не вышла на работу, ответила:

— Потому, что меня не предупредили, чтоб я из дому захватила сапоги. И еще потому, что ваши нормы для меня непосильны.

— У нас для отказчиков есть карцер — яма с водой. Там через три дня загнешься.

— А мне все равно погибать, так уж лучше поскорей.

Я была ошарашена, когда вместо карцера нарядчик привел меня в портняжную, где возле кучи рванья сидели несколько стариков и старух и ковыряли иголками лохмотья, нашивая заплаты на рубахи, кальсоны, брюки и рукавицы.

На третий день моей работы в портняжной я услышала новость: Малахова переводят на новый участок вместе с рабочими, которых он будет отбирать для себя сам.

Доходяги, больные и вообще люди, не угодные ему, останутся здесь. Лагпункт превращается в сангородок. Сюда свезут пришедших в негодность зэков.

И каждый молил Бога, чтобы Малахов забраковал его, не взял на новую каторгу.

После ужина все население лагеря было построено на площадках возле бараков. Пришел Малахов, в сопровождении нарядчика с формулярами, и начался отбор.

Взмахом руки Малахов сортировал людей: «своих» — направо, остающихся — налево.

Отобрав мужчин — человек двести, он подошел к женскому строю. Мы, около сорока женщин, ждали своей участи. И опять: взмах руки — направо, взмах руки — налево.

Дойдя до меня, он, даже не взглянув, махнул рукой — и я очутилась на правой стороне.

Новый лагпункт отличался от старого тем, что действительно был новенький с иголочки.

Наспех построенные щелястые бараки сочились живицей. Кругом торчали невыкорчеванные пни. Валялась щепа, мусор.

Отдохнуть не дали. Не успели поесть наспех сваренной бурды, как всех погнали на уборку территории. А вечером нарядчик зачитал списки бригад и обслуги. Я для себя ничего хорошего не ждала, но как же я была изумлена, когда услышала, что меня определили на селектор телефонисткой! Самая легкая, самая чистая, самая-рассамая что ни на есть «придурочная» работа!

Селектор помещался на вахте. По утрам, сидя за аппаратом, я видела процедуру развода.

Большинство заключенных болело цингой, несмотря на разгар лета. Пища с каждым днем становилась хуже. Часто по три дня и хлеба не бывало. Дважды в день литр жидкой сечки на первое и пол-литра густой — на второе.

На ногах появлялись твердые на ощупь багровые пятна, вскоре превращавшиеся в гнойные язвы. Многие по утрам не могли подняться с нар, их тащили к вахте, как кули с картошкой, подталкивая пинками. За вахтой некоторые, сделав над собой усилие, поднимались и вставали в строй, а другие так и оставались лежать на земле. Тогда появлялась лошадь с трелевочными волокушами, больного привязывали к волокушам и по пням и кочкам волокли до тех пор, пока он или не отдавал богу душу, или не вставал на ноги. Большинство вставало.

Мне было страшно. Страшно и стыдно. Стыдно сидеть на вахте с наушниками на голове, когда другие разбиваются на кочках, из последних сил выдают «кубики» и изнывают на трассе от усталости, жары и голода. Я знала, что уйду туда, к ним, но все оттягивала уход, как купальщик оттягивает прыжок в холодную воду.

После развода Малахов иногда заходил на вахту.

Сидя за своим столиком с наушниками на голове, я исподтишка наблюдала за ним и однажды решилась спросить:

— Как можно вот так с людьми? Они же больные.

Он ответил:

— У нас пока шестьдесят процентов больных. А скоро будет девяносто. Так что ж, трассу из-за этого закрывать? Цингу лежаньем не вылечишь. При цинге нужно больше двигаться.

Однажды с пристани позвонили: для нашего лагпункта прибыли мука и тачечные колеса. Что раньше доставить?

— Давайте колеса! — приказал Малахов, хотя хлеб кончился накануне и работяги в тот день сидели на одной баланде.

И я не выдержала.

— Гражданин начальник,— обратилась я к нему.— Я уже достаточно окрепла и могу пойти на трассу.

— Хорошо,— коротко бросил он и вышел.

Женщин на лагпункте было немного, всего одна женская бригада, остальные были в обслуге. Поэтому я, не спросясь нарядчика, утром следующего дня стояла у ворот в женском строю. Нарядчик молча взглянул на меня, внес в список. Вместе со всеми я вышла на работу на трассу.

Карьер, тачки, лопаты. Истощенные, покрытые цинготными язвами зэки, у которых нет сил выполнить и половины нормы.

Была принята еще одна мера воздействия на не выполняющих норму: из особо отстающих тут же на трассе создавались бригады. Их оставляли на трассе, без сна и отдыха, на всю ночь. Менялся только конвой. Нечего и говорить, что это помогало как мертвому припарки. Чуда не происходило, сил у доходяг не прибавлялось, «кубиков» — тоже. Только по утрам к зоне начали подвозить покойников.

На лагпункт приехала медицинская комиссия. Отобрали целый этап доходяг и отправили на поправку в сангородок. У меня тоже нашли зачатки цинги, и комиссия рекомендовала включить меня в этап. Малахов не согласился, а перевел учетчицей в тракторную бригаду.

На трассе все шло своим чередом. Работа в зной и в дождь, в морозы и в пургу. Кличи «Давай, давай!», скверная похлебка, рваные лохмотья и зеленые лица зэков. Ударная стройка железной дороги, соединяющей страну с ухтинской и воркутинской нефтью и углем.

И вот в местах, еще недавно покрытых непроходимой тайгой и болотами, пролегла железная дорога, схоронившая под собой многие тысячи людей. (Под каждой шпалой — покойник: арифметика бывалых лагерников.) Вырастали новые поселки.

Если бы все было по-доброму, можно было бы и погордиться немного своей работой. Но кто побывал там, не гордится и не очень-то любит вспоминать свое прошлое. Судя по себе, могу сказать, что это не только желание вычеркнуть из памяти годы мук и лишений, но и чувство стыда.

Такое чувство должна испытывать девушка, обесчещенная любимым человеком.

Я не собираюсь идеализировать всю массу заключенных. Всякие там были, особенно в послевоенном наборе. Но мучили одинаково всех — и хороших и плохих, и правых и виноватых. Не спорю, к тем, кто совершал в войну кровавые злодеяния, оправдано применение самых суровых мер. Но ежовщина и бериевщина нисколько не отстали от них.

Для примера забегу на несколько лет вперед. Я работала в театрально-эстрадном коллективе в Княж-Погосте. Во время одной из гастрольных поездок нам в Ухте пришлось наблюдать такую картинку.

Мы направлялись в клуб нефтепромысла. Еще издали в глаза бросались слова, начертанные огромными буквами на стене клуба,— это был один из пунктов Конституции:

«ТРУД В СССР ЕСТЬ ДЕЛО ЧЕСТИ, ДЕЛО СЛАВЫ, ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА!»

Откуда-то к нам долетали странные звуки. Казалось, что стонет больной великан. Когда мы подошли поближе, то поняли, что это не стон, а протяжное — «Эй, ухнем!».

Из-за клуба вывалилась толпа оборванных заключенных. Они были впряжены в лямки, на которых тащили огромные тракторные сани, доверху нагруженные торфяником. Все они были в ручных и ножных кандалах. Это были каторжане.

Когда говорят о коротких сроках построения социализма в нашей стране, у меня перед глазами возникают фантастические толпы, стада оборванных, желтых, опухших существ особой породы, именуемых зэками.

(Недобрая слава селекционерам — создателям этой породы!)

Вижу бывшего академика, который, не поднимая потухших глаз, неторопливо шагает в колонне полутрупов к месту работы.

Вижу известного юриста, работы которого и теперь цитируются в специальной литературе, пьющего из ржавой консервной банки жидкую бурду.

Вижу толстомордого начальника, бьющего по лицу скелетообразного зэка за то, что тот неправильно, «жопкой» книзу, бросил картофелину в борозду.

Вижу колхозниц, причитающих над письмами детей, для спасения которых они в голодные годы собирали в поле горсть колосков и получали за это 8—10 лет.

Вижу грузовик, круглосуточно курсирующий из зоны сангородка на кладбище. (В грузовике 12 гробов. На кладбище покойников вываливают из «тары» в общую яму и едут в зону за новой партией.)

Человеческое право, достоинство, гордость — все было уничтожено.

Одного только не могли уничтожить селекционеры дьявола: полового влечения. Несмотря на запреты, карцер, голод и унижения, оно жило и процветало гораздо откровенней и непосредственней, чем на свободе.

То, над чем человек на свободе, может быть, сто раз задумался бы, здесь совершалось запросто, как у бродячих кошек.

Нет, это не был разврат публичного дома. Здесь была настоящая, «законная» любовь, с верностью, ревностью, страданиями, болью разлуки и страшной «вершиной любви» — рождением детей.

Прекрасная и страшная штука — инстинкт деторождения.

Прекрасная, когда для принятия в мир нового человека созданы все условия, и ужасная, если еще до своего рождения он обречен на муки.

Но люди с отупевшим рассудком не особенно задумывались над судьбой своего потомства.

Просто до безумия, до битья головой об стенку, до смерти хотелось любви, нежности, ласки. И хотелось ребенка — существа самого родного и близкого, за которое не жаль было бы отдать жизнь.

Я держалась сравнительно долго. Но так нужна, так желанна была родная рука, чтобы можно было хоть слегка на нее опереться в этом многолетнем одиночестве, угнетении и унижении, на которые человек был обречен.

Таких рук было протянуто немало, из них я выбрала не самую лучшую. А результатом была ангелоподобная, с золотыми кудряшками девочка, которую я назвала Элеонорой.

Она родилась не в сангородке, а на отдаленном глухом лагпункте. Нас было три мамы. Нам выделили небольшую комнатку в бараке.

Клопы здесь сыпались с потолка и со стен, как песок. Все ночи напролет мы их обирали с детей.

А днем — на работу, поручив малышей какой-нибудь актированной старушке, которая съедала оставленную детям еду.

Как я уже говорила, я не верила ни в Бога, ни в черта. Но в пору своего материнства я страстно, исступленно хотела, чтобы Бог был. Чтобы жаркой, униженной, рабской молитвой было у кого выпросить спасенья и счастья для своего дитяти, пусть даже ценой любого наказания и муки для себя.

Целый год я ночами стояла у постельки ребенка, обирала клопов и молилась.

Молилась, чтобы Бог продлил мои муки хоть на сто лет, но не разлучал с дочкой. Чтобы пусть нищей, пусть калекой выпустил из заключения вместе с ней. Чтобы я могла, ползая в ногах у людей и выпрашивая подаяние, вырастить и воспитать ее.

Но Бог не откликнулся на мои молитвы. Едва только ребенок стал ходить, едва только я услышала от него первые, ласкающие слух, такие чудесные слова: «мама», «мамыця», как нас в зимнюю стужу, одетых в отрепья, посадили в теплушку и повезли в «мамочный» лагерь, где моя ангелоподобная толстушка с золотыми кудряшками вскоре превратилась в бледненькую тень с синими кругами под глазами и запекшимися губками.

Меня послали на лесоповал. В первый день работы на меня повалилась огромная сухостоина. Я видела, как она падает, но ноги отнялись, и я не могла сдвинуться с места. Рядом торчали корни большого, вывороченного бурей дерева, и я инстинктивно присела за ними. Сосна повалилась почти рядом, не задев ни единым сучочком. Едва только я выбралась из своего укрытия, подбежал бригадир и закричал, что ему растяпы в бригаде не нужны, что он не хочет отвечать за каких-то кретинок. Я равнодушно слушала его брань, а мысли мои были далеки и от сосны, чуть меня не убившей, и от лесоповала, и от бригадировой ругани. Они витали у кроватки моей тоскующей девочки.

На следующий день меня посадили на мехпилу у самой зоны лагеря.

Целую зиму я сидела на мерзлом чурбаке и нажимала на ручку пилы. Простудила мочевой пузырь, нажила боли в пояснице, но благодарила судьбу: каждый день я могла отнести в группу вязанку дров, за что меня пускали к дочке помимо обычных свиданий. Иногда надзиратели на вахте отбирали мои дрова для себя, причиняя мне огромное горе.

Вид у меня в те времена был самый разнесчастный и забитый. Чтоб не развести вшей (этого добра было тогда в лагерях достаточно), я остриглась наголо, а на такое редкая женщина пошла бы добровольно. Ватные брюки я снимала, только отправляясь на свидание с дочкой. Во время одного такого свидания я обратила внимание на женщину, одетую нисколько не лучше меня, но с броской внешностью. Шапка черных кудрей венчала ее голову. На щеках полыхал яркий румянец. Лицо так и лучилось молодостью и здоровьем. Но глаза, жгуче-черные, глядели рассеянно, временами заволакиваясь дымкой, как у дремлющего цыпленка.

Мы разговорились. Оказалось, что она навещает ребенка своей подруги, отправленной на другой лагпункт, присматривает и заботится о нем, как родная мать.

И еще оказалось, что за ее цветущей внешностью прячется недуг, засевший в мозгу со дня ареста. Этот недуг уже не раз упрятывал ее в психлечебницу.

Она говорила с каким-то очень симпатичным акцентом:

— Я — чехословачка,— объяснила она.— Никак не привыкну правильно изъясняться.

За дровяную взятку няни, у которых в группе были собственные дети, пускали меня к ребенку и рано утром перед разводом, и иногда в обеденный перерыв, и, конечно, вечером, с охапкой дров.

И чего только я там не насмотрелась!

Видела, как в 7 часов утра няньки делали побудку малышам. Тычками, пинками поднимали их из ненагретых постелей (для «чистоты» одеял детей ими как следует не укрывали, а только набрасывали поверх). Толкая детей в спинки кулаками и осыпая грубой бранью, меняли распашонки, подмывали ледяной водой. А малыши даже плакать не смели. Они только кряхтели по-стариковски и гукали.

Это страшное гуканье целыми днями неслось из детских кроваток. Дети, которым полагалось уже сидеть или ползать, лежали на спинках, поджав ножки к животу, и издавали эти странные звуки, похожие на приглушенный голубиный стон.

На группу из 17 детей полагалась одна няня. Ей нужно было убирать палату, одевать и мыть детей, кормить их, топить печи, ходить на всякие субботники в зоне и, главное, содержать палату в чистоте. Стараясь облегчить свой труд и выкроить себе немного свободного времени, такая няня «рационализировала», изобретала всякие штуки, чтобы до минимума сократить время, отпущенное на уход за детьми.

Например, кормление, при котором я однажды присутствовала.

Из кухни няня принесла пылающую жаром кашу. Разложив ее по мисочкам, она выхватила из кроватки первого попавшегося ребенка, загнула ему руки назад, привязала их полотенцем к туловищу и стала, как индюка, напихивать горячей кашей, ложку за ложкой, не оставляя ему времени глотать. И это — не стесняясь постороннего человека. Значит, такая «рационализация» была узаконена. Так вот почему, при сравнительно высокой рождаемости, в этом приюте было так много свободных мест. Триста детских смертей в год еще в довоенное время! А сколько их было в войну!

Только своих детей эти няни вечно таскали на руках, кормили как положено, нежно заглядывали им в попки и дорастили до свободы.

Была в этом Доме Смерти Младенца и врач — Митрикова.

Что-то странное, неприятное было в этой женщине. Суматошные движения, отрывистая речь, бегающие глаза. Она ничего не делала для сокращения смертности среди грудников, занималась ими только тогда, когда они попадали в изолятор. Да и то только для проформы.

И «рационализация» с горячей кашей и одеяльцами поверх кроваток при температуре 11—12 градусов тепла проводилась, по-видимому, не без ее ведома.

Минутки своих коротких набегов в дом младенца она проводила в группах старших ребят — шести- и семилетних полукретинов, которые, по Дарвину, выстояли, выжили, несмотря на горячую кашу, пинки, тычки, ледяные подмывания и долгое сидение на горшках привязанными к стульчикам, от чего многие дети страдали выпадением прямой кишки.

Со старшими ребятами она хоть немного возилась. Не лечила, на это у нее не было ни средств, ни умения, а водила хороводы, разучивала стишки и песенки. И все для того, чтобы «показать товар лицом», когда наступит время определять ребят в детские дома.

Единственно, что приобретали дети в этом доме, были хитрость и пронырливость блатарей-лагерников. Умение обмануть, украсть, избежать наказания.

Еще не зная, что такое Митрикова, я рассказала ей о плохом обращении некоторых нянек с детьми и умоляла ее вмешаться. Она метала громы и молнии, обещала наказать виновных, но все осталось по-прежнему, а моя Лелька стала таять еще быстрей.

При свиданиях я обнаруживала на ее тельце синяки. Никогда не забуду, как, цепляясь за мою шею, она исхудалой ручонкой показывала на дверь и стонала: «Мамыця, домой!» Она не забывала клоповника, в котором увидела свет и была все время со мной.

Тоска маленьких детей сильнее и трагичнее тоски взрослого человека. Знание приходит к ребенку раньше умения. Пока его потребности и желания угадывают любящие глаза и руки, он не осознает своей беспомощности. Но когда эти руки изменяют, отдают чужим, холодным и жестоким,— какой ужас охватывает его.

Ребенок не привыкает, не забывает, а только смиряется, и тогда в его сердечке поселяется тоска, ведущая к болезни и гибели.

Тех, для кого в природе все ясно, все расставлено по местам, может шокировать мое мнение, что животные похожи на детей и, наоборот, дети на животных, которые многое понимают и много страдают, но, не умея говорить, не умеют и просить пощады и милосердия.

Маленькая Элеонора, которой был год и три месяца, вскоре почувствовала, что ее мольбы о «доме» — бесполезны. Она перестала тянуться ко мне при встречах, а молча отворачивалась.

Только в последний день своей жизни, когда я взяла ее на руки (мне было позволено кормить ее грудью), она, глядя расширенными глазами куда-то в сторону, стала слабенькими кулачками колотить меня по лицу, щипать и кусать грудь. А затем показала рукой на кроватку.

Вечером, когда я пришла с охапкой дров в группу, кроватка ее уже была пуста. Я нашла ее в морге голенькой, среди трупов взрослых лагерников.

В этом мире она прожила всего год и четыре месяца и умерла 3 марта 1944 года.

Я не знаю, где ее могилка. Меня не пустили за зону, чтобы я могла похоронить ее своими руками.

Я очистила от снега крыши двух корпусов дома младенца и заработала три пайки хлеба. Я отдала их, вместе со своими двумя, за гробик и за отдельную могилку. Мой бесконвойный бригадир отвез гробик на кладбище и взамен принес мне оттуда крестообразную еловую веточку, похожую на распятие.

Вот и вся история о том, как я совершила самое тяжкое преступление, единственный раз в жизни став матерью.

Я продолжала ходить на работу, уже не сознавая — легко ли мне или тяжело. Что-то делала, не чувствовала ни голода, ни потребности общения с людьми.

На очередной комиссовке у меня обнаружили дистрофию и дали двухнедельный отпуск, но я не поняла и, еле волоча ноги, продолжала ходить на работу, пока меня однажды с развода не повернул врач.

В это время на меня пришел наряд из ЦОЛПа — центрального отделения в Княж-Погосте.

Еще находясь с ребенком на клопином лагпункте, я участвовала в самодеятельности и там познакомилась с ее руководителем обаятельным пожилым профессором Александром Осиповичем Гавронским.

Помогая мне готовить роль, он часами беседовал со мной обо всем на свете, а в это время маленькая Элеонора, ползая у его ног, пыталась развязать шнурки на его ботинках.

Из клоповника его забрали в ЦОЛП, снабдили еще десятью годами

срока и сделали директором новообразованного театрально-эстрадного коллектива (ТЭКО).

Там он вспомнил обо мне, разыскал и добился для меня наряда для перевода в ЦОЛП.

Не мог же он знать, что я уже не та, что вместе со смертью дочери во мне умерло и желание и умение играть на сцене.

Но в лагере не выбирают. Пришел наряд — и ступай куда ведут. С пустым деревянным чемоданом в руках, в кирзовых сапогах на босу ногу и в старом бушлате пошагала я в августе 1944 года на вокзал, так же равнодушно, как ходила в поле или на лесоповал.

В театре Гавронского ко мне так и не вернулись ни любовь к сцене, ни способности к актерской игре. Добрый старик порой вызывал меня к себе — частично для того, чтобы развлечь, а больше ради того, чтобы было перед кем самому послушать свои мысли вслух (он писал какой-то труд). Произносил длинные монологи, читал получасовые лекции, которые текли мимо моего сознания. (Зачем нужна была вся философия мира, если не было у меня больше Лели?)

А он, дымя самокруткой, все говорил и говорил, пока мне не начинало казаться, что я вишу вниз головой где-то под потолком, а пол колышется далеко внизу.

Роли мне дали совсем не подходящие к моему тогдашнему состоянию: каких-то очень положительных, очень жизнерадостных, очень голубых дамочек, благоденствующих офицерских жен в кудряшках.

Вот если бы мне дали роль бабы, впрягшейся в плуг вместо лошади! Но таких ролей не было. И пьес таких тоже. Действительность лакировалась даже в 44-м году, когда города лежали в руинах, люди жили в землянках, а колхозницы тащили на себе плуг.

Быт «крепостных» артистов резко отличался от быта остальной массы заключенных. Питание было намного лучше. Во время гастролей, тянувшихся по десять месяцев, было и вовсе хорошо.

Мы свой паек получали на руки в сухом виде. Это значит, что положенная норма доходила до наших желудков почти полностью. Во время гастролей нас в некоторых местах угощали или прикрепляли к столовым.

Страшно было возвращаться к грязи и вшам общих бараков, к похлебке из крапивы и иван-чая, к непосильной работе и вечному унижению. А я знала, что этим все кончится. Я не чувствовала своих ролей и играла, как попугай. Во всяком случае, я твердо знала, что для коллектива не гожусь, что и себе самой я тоже совсем не нужна. Что после гастролей буду отчислена и что тянуть лямку 15-летней каторги я больше не в состоянии.

По возвращении с гастролей я сделала попытку к самоубийству. Воспоминание о ней до сих пор заставляет меня краснеть от стыда.

У театрального администратора я стащила кучу снотворных таблеток и, когда из общежития все ушли на какой-то концерт, проглотила их все до единой.

Но, не имея собственной спальни, умереть трудно. Один мой старый друг забыл где-то книгу. Решив, что она у меня, он вместе со своей женой зашел в общежитие и стал меня будить. Заметив что-то подозрительное в моем необычно крепком сне, они подняли тревогу.

Хочу немного отступить, чтобы рассказать об этом друге.

За несколько лет до Княж-Погоста я на одном лагпункте работала на кухне. Однажды прибыл новый этап, состоявший из одной интеллигенции: ученых, преподавателей, работников печати...

Старостой этапа был худенький человек невысокого роста, с такой чистой, обаятельной и ласковой улыбкой, что, когда он с ведром приходил на кухню за обедом для себя и своих товарищей, мне всегда хотелось сделать для него что-нибудь хорошее, и я старалась наполнить его котелок пополнее и погуще.

Он сразу организовал самодеятельность, куда вовлек и меня. Потом мы в одной бригаде работали на трассе, и он был единственным мужчиной в лагере, общение с которым заставило меня поверить в возможность чистой дружбы между мужчиной и женщиной.

Потом мы разъехались и встретились уже в ТЭКО.

Вместе с лагерной женой они (они остались мужем и женой и на свободе) спасли меня от смерти тогда и в дальнейшем были моими ангелами-хранителями, спасая от ударов судьбы.

Мы были в разных группах театра. Они работали в кукольном театре при ТЭКО, работали самостоятельно, а потом и вовсе отделились.

Пока я лежала в больнице, они, при содействии Гавронского, уговорили руководительницу кукольного театра взять меня в свой коллектив.

Интересной женщиной была руководительница. В прошлом жена известного грузинского режиссера Ахметели и сама известная актриса, она была добрым и отзывчивым человеком. В хорошем настроении улыбалась так широко и искренне, что всё вокруг начинало улыбаться.

И вот она, Тамара Георгиевна Пулукидзе, начала пробуждать меня к жизни. В своем театре она ставила не только кукольные спектакли, но и небольшие одноактные комедии. В одной такой пьеске заняла и меня. Только ей я обязана тем, что впоследствии, уже в другом, сибирском лагере, могла руководить культбригадой, а затем довольно успешно работать в театре.

Но главное, я полюбила куклы.

Счастье кукольного рая тоже было непродолжительным.

Кончилась война, пошли изменения в режиме и политике, все начало меняться.

Я очень немного знаю, почему закрылся наш театр. Кажется, министр просвещения Коми АССР захотела иметь его у себя, но без зэков. Куклы, сделанные нашими руками, были у нас отобраны и отправлены в Сыктывкар. Там они через короткое время нашли вечный покой в крысиных желудках.

Тамара Георгиевна, Алексей и Мира Линкевичи (мои друзья, о которых я говорила выше) должны были вскоре выйти на свободу. Они остались в Княж-Погосте. Меня отправили на отдаленный сельскохозяйственный лагпункт Кылтово, а некоторое время спустя я попала в списки на этап — в сибирские лагеря.

Почти месяц тащился эшелон к месту назначения. Все шло по традиции: давали соленую хамсу, а воду — редко. Да и хамсы перепадало мало. Блатнячки вместе с конвоем меняли наши продукты на водку и белый хлеб, вместе пили и ели и смеялись над фраерами.

Эти блатнячки, вкрапленные по 8—10 штук (говорю штук, потому души у них не было) в 30—40 политических, терроризировали последних как только могли, грабили, как хотели, причем те даже пикнуть не смели: у блатнячек были ножи.

В нашем вагоне большинство составляли западницы: польки, литовки, эстонки, латышки. Нас, «советских», было восемь и десять блатнячек.

Посовещавшись, мы, «советские», решили себя в обиду не давать.

Блатнячки начали с западниц. Последних было много. В основном — молодые, спортивного вида девушки. Они могли бы в два счета смять этих тварей. Но — нет! Когда грабили одну, соседки отодвигались, чтобы бандиткам было удобнее. Хоть у тех и были ножи, но они вряд ли пустили бы их в ход.

Был канун пасхи. Бандитки только что отняли у беременной польки ее «мамочный» паек и, забравшись в свою берлогу на верхних нарах, пожирали его. Одна, похожая на ведьму, только что явившуюся с шабаша, с крестником навыпуск, на мгновение задумалась, перестала жевать и сказала:

— Ох, девки! Канун пасхи, а мы ограбили беременную!

Еще мгновение подумав, она добавила:

— Ну, ничего. Нам Бог простит!

И наша восьмерка решила избавиться от них. Мы знали, что никакие просьбы и заявления не помогут: ведь конвой был с ними заодно. Потому мы пошли на довольно подловатую хитрость (нам тоже Бог простит!). Во время стоянки было выброшено письмо, в котором говорилось, что в нашем вагоне блатнячки готовятся к побегу, что ножами они хотят вскрыть пол и удрать на ходу поезда.

Через полчаса в вагон вскочили конвоиры, сделали тщательный шмон, нашли ножи и посадили блатнячек в вагон-карцер. Дальнейший путь протекал у нас спокойно.

После месяца пути мы прибыли в сельскохозяйственный лагерь — отделение Суслово, где были сразу изолированы в карантине. Этот карантин был сам по себе инкубатором всяких болезней.

Теснота, липкая черноземная грязь, тучи блох и клопов. На нарах мест не хватало, спали под нарами.

Однажды в барак зашел начальник культурно-воспитательной части отделения. Он набирал артистов в культбригаду. Кто-то из моих спутниц по этапу «выдал» меня, и после карантина я уже лепила куклы в маленькой рабочей комнате отделенческого клуба. (Весь сусловский лагерь считался совхозом, и главное отделение было как бы конторой совхоза.)

Этот лагпункт отличался от остальных только большим лазаретом и клубом. А в жилых бараках — те же клопы и блохи, набитые соломой тюфяки без простыней, рваные одеяла. В отличие от северных лагерей здесь зимой бараки почти не отапливались. Люди спали на нарах не раздеваясь, в бушлатах, ватных брюках и валенках.

Мне-то было сравнительно хорошо. Я жила при клубе. Это было большое ветхое здание, кишевшее крысами, которое невозможно было натопить. Мы жгли что попало: декорации, подшивки газет, мебель. Однажды во время застольной репетиции один из ребят на минутку отлучился, а когда вернулся, его стул уже догорал в топке. Но все равно, как ни топили, пролитая на стол вода или суп моментально замерзали.

В 1949 году впервые в обычном, не штрафном, лагере зону разделили на женскую и мужскую. Наши мальчики стали ходить на репетиции по пропускам через вахту (клуб остался в женской зоне).

В это время особенно проявилась сила гонимой любви.

Мужчины и женщины лезли к своим любимым через проволоку, получали пули, становились калеками, но это никого не останавливало.

А потом женщин вообще убрали с этого лагпункта, и он стал чисто мужским. Культбригада прекратила свое существование.

Для меня это было большим ударом, потому что я очень привязалась к коллективу, совсем не похожему на ТЭКОвский. Здесь трудности спаяли нас в одну семью, где царили шутки, смех, веселые проделки и круговая порука.

Этому коллективу я обязана тем, что до сих пор топчу землю. Как-то я заболела острой пневмонией, и врачи, за отсутствием лекарств, предоставили мне спокойно умирать. Бесконвойные культбригадники обегали два поселка и где только можно было выпрашивали таблетки сульфидина, а затем по очереди сидели у моей кровати, чтобы вовремя дать лекарство. Только благодаря им я и выжила.

Мне не пришлось идти на общие работы. Сразу после разгона культбригады на меня пришел наряд в управленческий «крепостной» театр.

Откуда обо мне там стало известно?

На одну из ежегодных олимпиад мы привезли в Мариинск кукольный театр и пьесу живого плана, в которой у меня была роль отрицательной фифочки, жены ответработника. У себя в отделении и на гастролях по другим лагпунктам у меня эта роль проходила средненько. А тут, на большой сцене, с меня будто оковы свалились. Я заиграла так живо, естественно и непринужденно, вместе с тем смешно, что меня проводили со сцены аплодисментами. Тогда же мне и сделали предложение перейти в управленческий театр. Но свой коллектив я бы не променяла ни на какие блага. Когда в Мариинске узнали, что сусловской культбригады уже не существует, на меня и спустили наряд.

В театре было три группы: драматическая, вокальная и хореографическая.

Я всегда была к танцам равнодушна. Но здесь, в Мариинске, их полюбила. Балетмейстер своим мастерством не уступал Моисееву. Но больше всего группу украшала одна танцовщица, которой война помешала закончить балетное училище. Она была из Венгрии, отец был евреем, и, когда гитлеровцы пришли в Венгрию, семье пришлось разбежаться в разные стороны.

Она стала танцовщицей в кабаре какого-то захолустного городка. Когда Советская Армия приблизилась к границам Венгрии, она решила через фронт бежать в Советский Союз. Она сумела добраться до советских окопов и свалилась прямо на головы солдат.

Здесь ее первым делом «изолировали», а затем, как шпионку, судили и отправили в лагерь.

В Мариинске ее сняли с эшелона больную, почти умирающую и положили в лазарет. Оттуда ее после лечения выудили работники театра.

Какая это была танцовщица! Наряду с балетными номерами она исполняла и народные и характерные танцы.

Мне трудно описать всю красоту и мастерство ее танцев. Мой язык слишком беден, да и разбираюсь я в хореографии плохо, но ни до, ни после Долли я не видела ничего подобного.

Начальство ГУЛАГа прилетало из Москвы только для того, чтобы посмотреть танцы Долли Такварян.

В этом театре я играла роли более-менее мне доступные: Манефу и Галчиху в пьесах Островского, Дуняшу в «Женитьбе» Гоголя, Лукерью в «Свадьбе с приданым». Кроме того, когда не было гастролей, я обязана была принимать участие в хоровых и танцевальных ревю в больших праздничных концертах. Это мне нравилось, как собаке палка.

Но своим ролям я отдавала душу. О себе невозможно сказать, хорошо или плохо ты играешь. Но я не раз слышала, как музыканты или балетчики на каком-нибудь десятом спектакле говорили:

— Посмотрим Галчиху (или Дуняшу) и завалимся спать.

Совсем неплохо было в этом театре. Чистое общежитие, зарплата, выдаваемая на руки (с вычетом содержания). Были здесь старые актрисы — Морская, Малиновская, которые говорили, что предпочли бы до конца жизни остаться в этом театре, что их пугает сомнительная свобода, которая ждет их за зоной.

И вдруг — опять пугающие новости.

Сначала стали собирать по лагпунктам рецидивистов и сотни их затолкали в мариинскую пересылку, где они с ходу затеяли нешуточную войну с власовцами. Дрались топорами не на жизнь, а на смерть.

Для прекращения этой войны по приказу начальника пересылки на вышки поставили пулеметы и стали косить всех подряд, причем погибло немало ни в чем не повинных людей.

Скандал был настолько шумный, что в высших инстанциях вынуждены были, как это всегда бывало, найти козла отпущения. Таковым оказался начальник пересылки, которому, как говорили, дали 25 лет, предварительно разжаловав.

Затем стали собирать этапы политических. На станции формировались длинные эшелоны, набитые битком. Из больниц брали полумертвых, догорающих стариков, послеоперационных больных, на костылях, на носилках и своим ходом, в рванье тридцать третьего срока их волокли к вокзалу и набивали до отказа обледенелые теплушки.

Это было в январе, феврале и марте 1951 года. Весь лагерь был в тревоге. Прошел слух, что все политические обречены на уничтожение или, в лучшем случае, их уберут с глаз подальше, в самые дикие, пустынные и безводные окраины страны, где жестокий режим и невыразимо тяжелые условия труда доведут их до массовой гибели без применения газовых камер и пулеметов.

Добрались и до нашего театра.

В тот день, когда в клубе были зачитаны списки, театр оказался, по существу, разгромленным.

Оставались бытовики, малосрочники и те, у кого сроки подходили к концу. Долли Такварян и меня пока в списках не было.

Все уже было известно точно. Среди вольнонаемных у нас было немало приятелей. Кое-кто из них был назначен сопровождать этап.

Они-то и поставили нас в известность о месте назначения: Джезказган. Медные рудники. Безводная солончаковая степь.

Кроме того, в лагере оказался зэк, в недалеком прошлом работник ГУЛАГа. В нашем маленьком женском общежитии, куда собрались почти все работники театра на печальные проводы товарищей, он поведал о причине этих этапов. Передаю его рассказ.

В Советский Союз приезжала Элеонора Рузвельт. Ей было известно об огромном количестве заключенных в Советском Союзе. Элеонора Рузвельт пожелала лично посетить лагеря. Ей в этом было решительно отказано.

В ООН был поставлен вопрос о нарушении прав человека, говорилось о посылке в Советский Союз специальной комиссии.

Наши представители в ООН отбрыкивались, как могли, но дома в это время стали убирать «мусор» и запихивать его в дальние закоулки, такие, как Джезказган.

Рудники там были давно, но из-за отсутствия жизненно необходимых условий (в основном из-за безводья) они чуть дышали. А тут появились зэки, отлученные от человеческих законов. Нужно только побольше колючей проволоки, наручников, охраны, пулеметов на вышках, немецких овчарок...

Этапы ушли. Вернулся конвой, и у нас оказалась записка от наших товарищей, из которой мы узнали об их судьбе.

Режим — каторжный. Всех украсили номерами, как в фашистском лагере. Работа в рудниках. Кормежка — два раза в день. Литр воды в сутки. Хочешь — пей, хочешь — умывайся. Здорового человека хватает на месяц, того, кто послабее,— недели на две.

Мы ходили как пришибленные.

Репетиции не клеились. Чтобы как-то спасти программу, каждый обязан был нести двойную, а то и тройную нагрузку, но охваченные унынием актеры потеряли вкус к работе. Всю жизнь любимая, она теперь казалась никчемной и постылой.

Незадолго до этих событий я перенесла сложную операцию. Как раз когда я лежала в больнице, и началась колготня с отправкой этапов. Всех, кто мало-мальски держался на ногах, выписывали из больницы. Выписали и меня, хотя я после операции еще только училась ходить. Но я бодрилась, показывала всем (и себе самой), что «я могу!».

И — правда! Роли у меня были очень подвижные (кроме Галчихи). На репетициях никто бы не поверил, что всего несколько дней тому назад я с трудом, с одышкой и сердцебиением, училась преодолевать метровое расстояние между двумя кроватями. Зато после репетиций я пластом лежала.

Когда беда обрушилась на театр, мной овладело чувство безнадежности, страха и уныния. Я боялась своей физической слабости, боялась подгоняющих штыков конвоиров, ненавидела свое проклятое сердце за то, что оно никак не хочет разорваться. Это был страх бродячей собаки перед палкой, страх раненого зайца, который в руках охотника по-ребячьи кричит от боли и страха перед еще худшей болью.

Будь проклят во веки веков тот, кто способен вызвать такой страх, безразлично в ком — в зайце, собаке или человеке.

Конечно, внешне я ничем не выдавала своих переживаний, все мы были достаточно закалены и умели скрывать свои чувства.

Но седые волосы, обнаруженные после бессонной ночи, морщины, которых не было вчера, старческая складка у рта. Ее, как ни старайся, уже не разгладишь.

Короче говоря, предчувствие не обмануло меня. Были отправлены

основные этапы, все как будто начало входить в спокойную колею, а в управлении начали заниматься подборкой хвостов.

Кое-как успели подготовить программу для выездов, и вдруг — удар, самый болезненный и неожиданный: в этап вызвали Долли Такварян, звезду и опору театра. А через несколько дней пришла моя очередь, несмотря на то, что у меня оставалось немногим больше года до конца срока.

Была уже поздняя весна, когда я вышла из зоны, направляясь к пересылке. Вместе со мной шли еще несколько незнакомых женщин. День был теплый, солнечный. Вещи были сложены на подводу, конвоиры не торопили и не подгоняли нас. Да и до пересылки было каких-то три километра. Все страхи и волнения прекратились. Осталась странная оцепенелость и безразличие ко всему на свете.

Долли я на пересылке не застала. Еще одно разочарование. Мне вдруг страшно захотелось спать. Я бросила вещи на нары, повалилась на них, уснула, и две недели, проведенные на пересылке в ожидании этапа, я почти полностью проспала. Стоило мне присесть или прилечь, как я уже спала. Благо на работу не гоняли.

От этого сна я очнулась уже в Тайшете. Здесь мне сказали, что Долли всего несколько дней тому назад отправлена на трассу. На какой лагпункт — неизвестно.

Через несколько дней с большим этапом других женщин я была направлена в Братск.

Начиная с середины 30-х годов название, присвоенное советским лагерям,— исправительно-трудовые — потеряло свое первоначальное значение. Правда, с самого начала своего существования они были скорее истребительно-трудовыми, но какая-то видимость хотя бы малаховского «гуманизма» прикрывала «воспитательные» меры наших надсмотрщиков.

Были общие для женщин и мужчин лагеря, где менее замученные и опустившиеся люди могли забыться в объятиях любви, и начальство часто закрывало на это глаза, если зэки выполняли и перевыполняли нормы.

Была самодеятельность и гордость управленческих начальников — созданные ими профессиональные театры, которыми они хвастали один перед другим. В них счастливчики — актеры чувствовали себя хоть и второсортными, но все же людьми.

Привозили кино. В пределах лагерной зоны (кроме карцера и морга) решеток не было, замков тоже не было, и можно было свободно ходить по всей зоне.

Новинка, сконструированная компанией Берии — Абакумова, не блистала оригинальностью. Все, все было слизано у Гитлера, кроме газовых камер.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вошли в зону,— это решетки на окнах бараков и засовы на дверях. Возле уборной, куда, как обычно, всех потянуло, рядами выстроились бочки, над назначением которых ломать голову не приходилось. Ясно — параши. Значит, правда, тюремный режим.

Зона была безлюдна. После проповеди начальника режима, ознакомившего нас с правилами и обязанностями, в которых преобладали слова «запрещается» и «карается», нас усадили посреди зоны на самом солнцепеке, велели не шляться по зоне и ждать.

Сразу же на нас напала огромная туча мошкары, крупной, нахальной, вырывающей куски мяса. Но у меня потемнело в глазах не от мошки. Со списками в руках к нам подошли женщины: врач и две нарядчицы. На белом халате врача — на спине и на подоле у колен — темнели нашитые лоскуты с номерами. Такие же нашивки были на платьях нарядчиц и всех изредка пробегавших мимо нас женщин. Казалось бы, что особенного в тряпочках с цифрами, нашитыми на платье?

Но эти тряпочки отнимали у нас имя, фамилию, возраст, превра-

щали в клейменый скот, в инвентарь, а может быть, и хуже, потому что нумерованный стул продолжает называться стулом, клейменая скотина имеет кличку, мы же могли отныне отзываться только на номер. За отсутствие номера на положенном месте ждала суровая кара.

Уже к вечеру, без бани (не было воды), нас разместили по баракам. На сплошных нарах и без того было тесно, а когда на них втиснули новоприбывших — совсем не продохнуть. Втиснули без врачебного осмотра, а в этапе были и рецидивистки, среди них больные сифилисом, туберкулезом... Бараки на ночь запирались и ставились параши. К духоте и тесноте прибавлялась еще и невыносимая вонь.

В новых лагерях заключенным были запрещены самодеятельность и кино, газеты, книги и настольные игры. После ужина всех выгоняли на поверку и держали в строю до отбоя. Подъем делали в полшестого, а когда дежурному на вахте надоедало клевать носом, он, чтобы прогнать сон, устраивал побудку на час раньше.

И еще один бич: нехватка воды. Ее возили в цистерне из реки за десять километров. Два бензовоза не могли обеспечить нужду двух многолюдных зон и поселков. В первую очередь снабжались вольнонаемные, казармы, затем — лагерные кухни. В барак утром заносился бачок воды, его с бою захватывали более сильные. Вечером — тот же бачок с кипятком, слегка закрашенным ячменным кофе. Баня была раз в месяц, выдавалось по полшайки воды, а о прачечной и речи не было. Припадали к каждой дождевой луже.

На тяжелые работы гоняли всех без разбору: и молодых и старых. И что интересно — здесь особенно не спрашивали ни норм, ни планов. За невыполнение не наказывали, за перевыполнение не поощряли. Просто десять часов заставляли работать до упаду. Заключенных было много, и часто случалось, что на всех не хватало работы. Тогда заставляли заниматься сизифовым трудом: делать что-нибудь ненужное, бесполезное, «абы руки не гуляли». За малейшую провинность, за оторванный номер сажали в БУР (барак усиленного режима).

В троице лагерного начальства самым человечным был политрук. Он тоже умел грозить, но его угрозы звучали как предупреждение, и он мог одним словом успокоить и вселить надежду в душу отчаявшегося человека. Пьяного начальника режима и душевнобольного начальника лагпункта он кое-как удерживал в шатких рамках законности.

Среди заключенных началась эпидемия самоубийств. В основном это были молодые девушки — западницы: травились хлорной известью или вешались где-нибудь в укромном уголке.

Минула еще одна зима. Наступило лето. Пришел и ушел август 1952-го — время окончания моего срока. Я встретила эту дату без радости и печали. Я давно привыкла к тому, что отсюда выхода нет. Теперь уже не разыгрывались спектакли с вручением нового срока, как это было раньше. (Зэка вызывали, поздравляли с окончанием срока и просили расписаться за новый.) Теперь не освобождали — и все.

Но вот меня потребовал начальник спецчасти. С вымученной улыбкой он сообщил, что я вызвана на «расторжение договора».

Забыла сказать, что к тому времени простое слово «освобождение» было заменено словами «расторжение договора».

Я оказалась на свободе с какой-то собачьей кличкой, в которую превратилось мое имя под пером невнимательного писаря. Альма!

Это было 19 апреля 1953 года.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ГОРИЗОНТ» ГЛАЗАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

В прошлом году, в десятом номере, читателям было предложено ответить на ряд вопросов анкеты «Горизонта». Редакцию интересовало, что думают читатели о ежемесячнике, кто вообще они, наши читатели!

«Горизонт» — издание новое (хотя и ведет свою родословную от выпускавшегося много лет «Собеседника»). И возникло оно в совсем непростое для журнальных начинаний время. С одной стороны, атмосфера перестройки, гласность только способствуют этим начинаниям — «говори!». С другой — обновление всей общественной жизни не могло не сказаться на нашей прессе — и сказалось, да так сильно и зримо, что всякому новому журналу рассчитывать на какое-либо внимание со стороны публики, до дыр зачитывающей каждый номер «Огонька», «Знамени», «Нового мира», «Юности», «Коммуниста»... вроде бы не приходится.

Однако случилось все же так, что журнал не затерялся и слово свое, пусть негромкое, сказал.

Проведенный опрос показал, что «Горизонту» в наследство от «Собеседника» досталось лишь 12% читателей. По существу, аудитория его формировалась заново.

Что же она, если судить по анкете, представляет собой! Более половины нынешних наших читателей — люди моложе 40 лет; 20% — пенсионеры. Три четверти имеют высшее и незаконченное высшее образование. Очень широк профессиональный состав — это инженеры и партийные работники, преподаватели и военнослужащие... Каждый четвертый — член партии или комсомолец. Несмотря на то что «Горизонт» — издание, по статусу, местное и рассчитано на москвичей, ответы на анкету пришли из Астрахани и Ялты, Ленинграда и Совгавани...

Как и что читают! Почти 80% читателей стараются не пропускать ни одного номера; 60% читают его целиком, остальные — отдельные материалы.

Оцениваются материалы по-разному. Так, около 50% считают рубрики «Перестройка: дела, проблемы, люди» и «Экономика и мы» удачными. «Подобного рода публикации,— пишет, например, 42-летний москвич С. Скляренко,— помогают мне как пропагандисту в работе. Мне нравится их конкретность и содержательность». Другая половина считает, что эти рубрики могут быть интересней. «Материалы порой сухи и поверхностны, особенно когда их авторами выступают официальные лица. Хотелось бы большей откровенности и раскованности, остроты!» (С. Липатов).

Примерно 38% читателей воздержались от оценки рубрик «Мировоззрение» и «Дискуссионный клуб»: рано, считают они, слишком мало было в них публикаций. Однако об уже состоявшихся — статьях А. Гангнуса «Демократия духа», М. Левина «Дверь, забаррикадированная с двух сторон», письме протоиерея А. Меня, полемических заметках А. Бутенко — отзываются положительно.

Наиболее интересными рубриками «Горизонта», по мнению читателей, в прошедшем году были: «Москва и москвичи», «Страницы истории», «Литература и искусство»: ни одного «черного шара»!

Многие читатели высказали предложение: не выделять в самостоятельный раздел материалы, рассказывающие о зарубежном опыте, а естественно включать их в другие, «наши». «Публикации этой рубрики,— пишет москвич М. Иськов,— выглядят как экзотические картинки. Не лучше ли вписывать наши дела в общемировой фон! В материалы, рассказывающие о переменах в экономике и социальной сфере, включать информацию о том, как ту или иную проблему решают в других странах».

Очень много и других предложений. Большинство из них так или иначе будут учтены в наших ближайших или последующих планах. Читатели просят больше уделять внимания «белым пятнам» истории, проблемам кооперативного движения, неформальных объединений (в ряде писем предлагается создать для этого специальную рубрику). В каждом третьем письме — просьба чаще рассказывать об интересных уголках и памятниках прошлого Москвы и Подмосковья, сохранившихся и утраченных; больше помещать документального материала. Читатели хотят встретиться на страницах «Горизонта» с А. Сахаровым и Ю. Карякиным, В. Коротичем и Д. Лихачевым... «Включитесь в борьбу за возвращение в нашу культуру А. Солженицына, В. Аксенова, Л. Копелева, Э. Неизвестного, Г. Вишневской»,— предлагает молодой читатель из Калининграда И. Башков.

«Надеюсь, что, получив читательский «вотум доверия», в новом году «Горизонт» станет еще интересней»,— пишет М. Синицына из Подольска. И такого рода пожеланий много.

Спасибо! Будем стараться. Но только одно условие: ваши, дорогие читатели, поддержка, внимание, ваши письма с новыми предложениями, замечаниями, советами. Мы ждем их. Они нужны нам!

Редакция благодарит социолога А. Луцкого за проведение исследования, а также А. Иванова, студента УДН им. Лумумбы, за помощь в обработке анкет.

ЛАУРЕАТЫ «ГОРИЗОНТА-88»

Редколлегия на основе читательских писем и ответов на анкету определила авторов лучших материалов, появившихся на страницах ежемесячника в 1988 году (№ 1—3 — «Собеседник», № 4—12 — «Горизонт»).

Дипломы лауреатов и денежные премии получили:

Вячеслав БАСКОВ (серия очерков: «Повестка на любовное свидание» — № 3, «Я запрещаю — следовательно...» — № 6, «Кое-что из личной жизни матрешки» — № 10);

Анатолий БУТЕНКО (статья «Сколько дорог ведет к храму?» — № 11);

Владимир ВОЙНА (очерки «Ночная жизнь? Да, она самая...» — № 2 и «Ах, вернисаж, или Где начинается культура» — № 7);

Овидий ГОРЧАКОВ (повесть «Накануне, или Трагедия Кассандры» — № 6—7);

Виктор ДАНИЛОВ (статья «Феномен первых пятилеток» — № 5);

Владимир КОРНИЛОВ (цикл стихов «Воспоминание» — № 10);

Юрий ЛЕВАДА, Алексей ЛЕВИНСОН (статья «Похвальное слово» дефициту» — № 10);

Борис ПИНСКЕР (серия статей: «Строй цивилизованных кооператоров» — № 1, 8);

Анатолий РУБИНОВ (очерк «Кардиограмма очереди» — № 1);

Лидия ЧУКОВСКАЯ (очерки «Предсмертие» — № 3 и «Два автографа» — № 4).

Мы поздравляем лауреатов и надеемся, что их сотрудничество с «Горизонтом» продолжится.

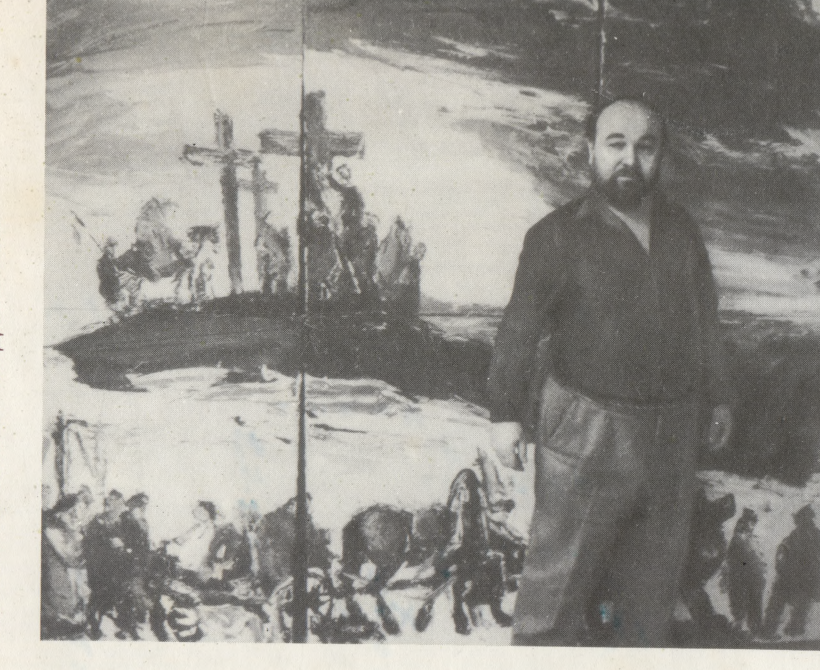
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. Баритон. 8. Балобан. 9. Брамсель. 10. Крамской. 12. Актриса. 13. Квакша. 16. Амасья. 19. Пластов. 22. Мегатонна. 23. Зимородок. 25. Саломас. 26. Лесков. 28. Гитара. 30. «Октябрь». 35. Фрагмент. 36. Акростих. 37. Аквилон. 38. Створка.

По вертикали: 1. Задаток. 2. Минск. 3. Войлок. 4. Матрос. 5. Форма. 6. Раскова. 11. Арысь. 14. Алагоас. 15. Шептало. 17. Марроки. 18. Сардина. 20. Ланка. 21. Олива. 24. Хомяк. 27. Казарка. 29. Тактика. 31. Каньон. 32. Ракита. 33. Ампир. 34. Горох.

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

Имя московского художника Анатолия Слепышева до недавнего времени было известно лишь узкому кругу специалистов и иностранным коллекционерам. Лишь несколько его работ приобрели Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина да Истринский музей. Однако на московском аукционе «Сотбис», проходившем в прошлом году, он «неожиданно» оказался одним из самых раскупаемых художников.

Биография Анатолия Слепышева внешне не богата событиями. Родился в Москве в 1932 году, в 1965-м окончил Московский художественный институт имени Сурикова, через два года был принят в Союз художников СССР. Но скупость эта компенсируется событиями иного, творческого характера — множеством самобытных, мудрых и добрых, трагичных и смешных, всегда виртуозно сделанных работ.

Полотна его почти всегда имеют определенную тему — историческую, социальную, библейскую, или же литературный подтекст, иногда достаточно ясный, легко читаемый, иногда еле уловимый. Но тогда зрителю приходит на помощь сам художник, давая толчок его воображению. Видишь парящие человеческие фигурки и вспоминаешь, что нечто подобное происходило с тобой во сне. На полотне — простая телега с лошадью, а в памяти всплывает детство и поездка в деревню или просто разъезжая колея где-нибудь в российской глубинке, по которой, кляня дорогу, спешил по делам, и многое-многое другое, что подсказывает тебе сознание. Такие свои работы, где быль переплетается с небылью, явь с фантазией, художник наделяет зачастую мягкой иронией, улыбкой, так свойственной ему самому.

И еще. Нельзя не сказать несколько слов о его технике. Сочная, плотная живопись его уподобляется подчас рельефу и с тем же вызывает ощущение чего-то музыкального. Слепышева, глядя на его полотна, так и хочется назвать музыкальным художником.

В конце 1988 года на Международном фестивале искусств в Ираке Анатолий Слепышев был удостоен золотой медали.